

КАДЕТСКИЙ БЫТЪ ДВАДЦАТЫХЪ-ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

1826—1834 г.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке).

I.

ЗАПИСКИ мои, по личнымъ воспоминаніямъ, были составлены почти черезъ 30 лѣтъ по выходѣ изъ корпуса, просмотрѣны вновь почти черезъ 20 лѣтъ и нынѣ печатаются почти черезъ 50 лѣтъ.

Записки эти не могутъ быть пристрастнымъ порицаніемъ давно минувшей кадетской жизни уже потому, что до поступленія въ корпусъ дѣтство мое было едва ли не плачевнѣе участи тогдашняго кадета.

Скажу коротко о своемъ дѣтствѣ до поступленія въ корпусъ, или до 10-ти-лѣтняго возраста.

Родился я 13-го іюня 1816 года, въ городѣ Торонцѣ, Псковской губерніи. Отецъ мой, послѣ Аустерлицкой кампаніи 1805 года, въ числѣ другихъ нѣмцевъ, былъ вызванъ въ Россію въ лекаря, поступилъ въ петербургскую медицинскую академію и послѣдовательно былъ военнымъ медикомъ въ артиллеріи, уѣзднымъ врачомъ въ Торонцѣ и въ Старомъ Осколѣ Курской губерніи и одесскимъ городовымъ врачомъ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, добродушный и вѣчный труженикъ. Мать моя, коренная русская дворянка Анна Николаевна, урожденная Латынина, была крутая, характерная женщина. Родители мои были награждены или наказаны 16-ю дѣтьми, и мать всю семью, начиная съ отца, держала въ ежевыхъ рукахъ. Не знаю за что, я былъ не

любимъ матерью и слѣдовательно уже никто въ родной семьѣ не смѣлъ меня ласкать.

Зимою съ 1820 на 1821 годъ, мать ѣздила изъ Торопца въ Петербургъ и взяла съ собою меня, какъ шалуна, котораго нельзя было оставить дома безъ строгаго надзора, и непосредственно старше меня брата Александра. Мнѣ было тогда 4½ года и эта поѣздка была событіемъ, съ котораго я началъ помнить все, что дѣлалось со мной. Въ Петербургѣ мать останавливалась у своего роднаго брата, Ильи Николаевича Латынина; этотъ дядя мой былъ вдовецъ, при немъ жила его теща, называемая нами бабушкой, и у него былъ сынъ Николай, сверстникъ мнѣ. Всѣхъ ихъ я полюбилъ; они были ласковыѣ со мной, чѣмъ мать, и особенно полюбилъ стараго слугу дяди, также Илью, и няньку Николая Латынина, Федосью.

Въ концѣ лѣта 1823 года, отецъ, передъ переѣздомъ изъ Торопца въ Старый Осколь, опять привезъ меня и брата Александра въ Петербургъ и оставилъ у дяди Ильи. Дядя обоихъ насъ и своего сына помѣстилъ въ казенную или частную школу, существовавшую тогда при императорской академіи художествъ, въ подвальномъ этажѣ. Самъ дядя жилъ тогда въ своемъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 11-й линіи. Мы всякій день ходили въ школу пѣшкомъ, познакомились съ торговками, сидѣвшими у Андреевской церкви, покупали у нихъ маковники, на что дядя и бабушка изрѣдка давали намъ по грошу (по ½ к.); у торговкохъ сходились иногда съ другими мальчиками и гроши свои нерѣдко проигрывали въ орлянку. Мнѣ было тогда 7 лѣтъ, брату 9, а Николаю Латынину 8 лѣтъ. Объ ученіи мы тогда мало заботились и нѣкому было наблюдать за нами: бабушка была неграмотна, дядя съ утра уѣзжалъ въ департаментъ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ опять уѣзжалъ куда нибудь; мы заботились только о томъ, чтобы не опоздать къ возвращенію дяди, къ обѣду; опоздать же утромъ въ школу не боялись: тамъ никто этого не замѣчалъ. Находясь въ этой школѣ, я еще не умѣлъ ни читать, ни писать; письма родителей читалъ дядя и въ каждомъ письмѣ мнѣ посылались угрозы, а брату расточались ласки. Это повліяло на дядю и на бабушку: они стали ласкать брата болѣе, чѣмъ меня; можетъ быть, братъ и заслуживалъ того. Брата Александра они ничѣмъ не отличали отъ своего роднаго Николая, имъ обоимъ изъ лакомства давали всегда кусочки получше, чѣмъ мнѣ, ихъ возили кататься, а я оставался дома. Я показывалъ видъ, что не замѣчаю этого, но это замѣчали слуги—Илья и Федосья, и если эти двое не были пьяны, то удваивали свои ласки ко мнѣ и бесчетно повторяли то, что разсказывали всѣмъ намъ: о міросозданіи, о четырехъ китахъ, о свѣтопреставленіи, объ антихристѣ.

Такъ прошло время до дня 7-го ноября 1824 года, дня величайшаго наводненія въ Петербургѣ. Опишу это событіе, какъ очевидецъ, и представлю въ томъ видѣ, какъ оно дѣйствовало на насъ, въ тог-

дашніе годы нашей жизни. Передъ разсвѣтомъ, 7-го ноября, пьяная Ѳедосья была разбужена и испугана страшнымъ вѣтромъ и криками на улицѣ; она вбѣжала въ ту комнату, гдѣ мы трое спали, разбудила насъ и съ неистовымъ воплемъ кричала: „вставайте, вставайте, свѣтопреставленіе начинается“. Мы вскочили, инстинктивно обнялись, всѣ трое припали на колѣни передъ образомъ, и притая дыханіе, прислушивались къ звуку трубы архангела. Придя по немногу въ себя, мы спросили, гдѣ дядя (Николай спросилъ объ отцѣ); Ѳедосья, все еще въ большихъ поныхахъ, отвѣчала: „какой папенька, какой дяденька, нѣтъ его“. Мы струсили, тѣмъ болѣе, что и бабушки не было дома,—она гостила въ инженерномъ замкѣ, у дочери своей, жены доктора Волькенау. Стало разсвѣтать; старый Илья сообщилъ, что въ первомъ часу ночи, по обыкновенію, ѣздилъ за дядей, но Исакіевскій мостъ былъ разведенъ и онъ возвратился домой, что вѣтеръ не унимается, что на улицѣ показывается вода, что всѣ подвалы въ домѣ были залиты водой, что въ конюшнѣ и хлѣвѣ показалась вода. Дядинъ домъ былъ двухъ-этажный, верхній этажъ занималъ онъ самъ, а въ нижнемъ были жилцы. Скоро мостки, устраиваемые тогда по срединѣ улицы, вмѣсто тротуара, были сорваны, вся улица была залита и вода продолжала прибывать. Въ нижнемъ этажѣ поднялся крикъ, вода показала въ комнатахъ, половыя доски поднимались. Мы уже ободрились, общая суматоха стала насъ занимать; мы помогали переносить вещи изъ нижняго этажа въ верхній, ходили по колѣна въ водѣ, помогали вводить въ верхній этажъ дома коровъ и лошадей. На улицѣ показались лодки, плавали цѣлыя небольшіе дома безъ крышъ и отдѣльныя крыши безъ домовъ; ворота и заборъ нашего дома были снесены, дворъ слился съ улицей. Съ полудня вода стала убывать и убывала быстрѣе, чѣмъ прибывала; къ вечеру насъ очень занимала улица и дворъ нашъ—они были завалены лѣсомъ всѣхъ видовъ, мебелью и домашнею утварью. Мы долго бродили и разсматривали вещи, и только появленіе дяди заставило насъ возвратиться домой; тогда мы вновь принялись за работу: разбирать вещи жильцовъ, сносить ихъ въ нижній этажъ и спускать коровъ и лошадей. Коровы и лошади, легко поднявшіяся наверхъ по ступенямъ обыкновенной лѣстницы, не хотѣли спуститься по тѣмъ же ступенямъ; пришлось лѣстницу застлать досками, животнымъ завязать глаза и, связавъ имъ ноги, скатить по доскамъ.

Послѣ наводненія, школа въ академіи была закрыта, и мать моя, напуганная наводненіемъ и особенно появившимися тогда пророчествами о предстоящемъ еще большемъ наводненіи, долженствующимъ затопить всю столицу,—пріѣхала за нами въ Петербургъ и въ январѣ 1825 года увезла въ Старый Осколь. Я съ братомъ Александромъ опять поступили въ среду своей семьи; общимъ учителемъ ко всѣмъ братьямъ и сестрѣ былъ приставленъ дьяконъ, который особенно хлопоталъ, чтобы къ пасхѣ 1825 года каждый изъ насъ твердо

выучилъ наизусть поздравительные стихи. Хорошо помню и знаки препинанія и слова, выпавшія на мою долю, подъ именемъ стихковъ: „Милые родители! поздравляю васъ. Что сказать вамъ всѣмъ въ привѣтъ? Ахъ! умишечки слабы“... Въ Старомъ Осколѣ родители жаловались на недостатокъ средствъ къ жизни; у насъ обѣдъ и ужинъ постоянно состояли изъ одного супа, по утрамъ давали остатокъ того же супа, чай подавался только гостямъ. Скоро состоялся переводъ отца въ Одессу, и въ апрѣлѣ или въ маѣ 1825 года, мы переѣхали туда изъ Старого Оскола. Отецъ и мать съ 6-ю дѣтьми и со всѣмъ багажемъ помѣстились въ одной жидовской фурѣ. Ѣхали большею частью шагомъ, и мы, четыре брата, половину дороги прошли пѣшкомъ, а меня, сверхъ того, зачастую выгоняли изъ фургона за то, что я, помогая жиду смазывать колеса, пачкался въ дегть, и помню, что еврей, желая дать мнѣ отдыхъ, останавливалъ лошадей, подъ предлогомъ поправленія упряжи.

Въ Одессѣ мы помѣстились на Греческой улицѣ, въ домѣ Кумбари. Этотъ домъ я узналъ спустя 53 года, проѣзжая черезъ Одессу изъ Турціи въ мартѣ 1878 года. Квартира наша была въ верхнемъ этажѣ; вся обстановка наша въ Одессѣ и домашняя жизнь до того улучшились, что нельзя было и сравнивать со Старымъ Осколомъ. Сосѣдство съ чердакомъ навело насъ на мысль воспользоваться крышею дома и мы устраивали тамъ наши игры, бѣгали по крышѣ, какъ по полу. Изобрѣтательность эту приписывали мнѣ, можетъ быть и справедливо, не помню. Хотя крыша была плоская и бѣганье по ней не представляло никакой опасности, но такъ какъ домъ былъ высокъ, то съ улицы или со двора страшно было смотрѣть на дѣтей, рѣзвящихся на крышѣ, а потому хозяинъ дома и многіе изъ одесскихъ жителей просили отца, чтобы намъ запрещена была прогулка по крышѣ. Но мы не легко могли отстать отъ этой привычки и, пользуясь отсутствіемъ отца, особенно отсутствіемъ матери, отправлялись на крышу. Въ одну изъ такихъ непозволительныхъ прогулокъ, мы были застигнуты врасплохъ. На крышу вошелъ домоправитель, а за нимъ ужъ не отецъ, а мать. Братъ просилъ пощады, а я, чтобы избавиться отъ преслѣдованія, спустился съ крыши на дворъ по дождевой трубѣ. На дворѣ тогда было нѣсколько человѣкъ; всѣ они видѣли эту продѣлку, но ни слова не говорили, боясь испугать, а когда я очутился на дворѣ, то вмѣсто общихъ похвалъ за удалство, заслужилъ брань и нареканіе за шалость, а отъ матери крѣпко досталось мнѣ за эту штуку. Любимымъ наказаніемъ матери было ставить меня на колѣни, на горохъ.

Поустроившись въ домашнемъ быту, отецъ опредѣлилъ четырехъ насъ братьевъ, меня, Александра, самаго старшаго Николая и младшаго меня Дмитрія — въ одесскій Ришельевскій лицей приходящими. Ходить ежедневно въ лицей мнѣ и брату Александру было дѣломъ привычнымъ, а Николай и Дмитрій тяготились этимъ; особенно они тя-

готились затѣями моими и Александра,—ходить по разнымъ улицамъ, чтобы лучше ознакомиться съ городомъ. Три брата поступили въ младшій классъ, а Николай классомъ выше. Въ младшемъ классѣ было очень много мальчиковъ; помню, что при поступленіи въ корпусъ, въ кадетскомъ классѣ мнѣ казалось пусто, а тамъ было болѣе 40 кадетъ; по этому сравненію надобно полагать, что въ Ришильевскомъ классѣ было отъ 80 до 100 мальчиковъ. Помню учителя, который былъ очень страшенъ, съ длинными нечесаными волосами и всегда съ длиннѣйшею и претолстѣйшею линейкою въ рукахъ. По правиламъ длинноволосаго педагога, всегда долженъ былъ отвѣчать тотъ членъ тѣла, который уклонялся отъ предписанныхъ законовъ. Если мальчикъ неправильно держитъ голову—сгорбится, выставитъ ногу, или положить руку на столъ,—то учитель въ ту же минуту хватитъ линейкой по головѣ, по спинѣ, по ногѣ, или по рукѣ, не ударить, а ужъ именно хватить такъ, что въ глазахъ потемнѣетъ. Письму обучали какъ бы по командѣ: кто опоздаетъ, или неправильно напишетъ букву, у того отвѣчаютъ пальцы. Надобно было подставить учителю всѣ сложенные 5 пальцевъ правой руки и получить такой ударъ линейкой, что пальцы пухли и не было возможности продолжать писаніе—перо не держалось въ пальцахъ. Мнѣ особенно часто доставалось—пальцы у меня всегда были пухлы, руки и ноги въ синякахъ, и некому было жаловаться: отца я почти не видѣлъ—онъ пѣлые дни находился въ разъѣздахъ по больнымъ, а мать, вмѣсто утѣшенія, приговаривала: „подѣломъ, не шали, учись“.

Положеніе мое казалось безвыходнымъ, и я, 9-ти лѣтъ отъ роду, подумывалъ о какой нибудь насильственной перемѣнѣ своей судьбы. Казалось, что и удобный случай для этого представлялся. Проходя изъ лица домой, мы иногда останавливались на берегу Чернаго моря и я подружился со сторожемъ при какихъ-то лодкахъ, отставнымъ суворовскимъ солдатомъ. Онъ, между прочимъ, объяснилъ мнѣ, что на другомъ берегу моря находится Турція, что онъ бывалъ тамъ и что туда легко попасть. Я и задумалъ бѣжать въ Турцію и, въ полурѣшимости на такой поступокъ, зашелъ опять къ сторожу спросить, не знаетъ ли онъ, есть ли школы въ Турціи и бьютъ ли тамъ дѣтей. Старикъ наговорилъ мнѣ такихъ ужасовъ, что у меня разомъ пропала охота и думать о Турціи.

Тогда я обратился къ товарищамъ по лицу, чтобы общими силами принять мѣры противъ страшныхъ побоевъ учителя. Я ближе сошелся съ двумя братьями Шафировыми, съ которыми послѣ встрѣчался на службѣ. Одинъ изъ Шафировыхъ объяснилъ мнѣ, что учитель обыкновенно бьетъ новичковъ, а если поступаютъ вдругъ двое или болѣе братьевъ, то всегда сильнѣе и чаще бьетъ того изъ нихъ, котораго и дома менѣе любятъ, потому что жалобамъ такого менѣе вѣрятъ; что учитель бьетъ до тѣхъ поръ, пока не дадутъ ему подарка, и что послѣ подарка онъ будетъ всегда хвалить. Забота моя

обратилась къ тому, что подарить учителю и какъ добыть подарковъ. Обстоятельства скоро мнѣ помогли. Наступали праздники Рождества и новый 1826 годъ; всѣ одесскіе аптекари прислали отцу множество подарковъ—сахаръ, чай, кофе, шоколадъ, разныхъ сластей, духовъ и проч. Пользуясь этимъ, я съ братьями Александромъ и Дмитріемъ отправились къ аптекарямъ просить, собственно для насъ, по коробчкѣ съ чѣмъ нибудь; намъ сопутствовалъ и фельдшеръ, состоявшій при отцѣ, для удостовѣренія, что мы дѣти городского доктора. Получивъ порядочный запасъ разныхъ разностей, мы передали учителю цѣлый коробъ подарковъ, и обстоятельства совершенно измѣнились: я былъ переведенъ въ высшій классъ и, при увольненіи изъ лица, передъ отправленіемъ въ корпусъ, получилъ похвальное свидѣтельство, отъ 25-го мая 1826 г., № 421, за подписью директора Дуброво и правителя канцеляріи Ящинскаго. Въ свидѣтельствѣ сказано, что я обучался ариѳметикѣ, русской грамматикѣ, русской исторіи и географіи Россійскаго государства, а на самомъ дѣлѣ я обучался только чтенію и письму.

Подкупъ учителя и способъ пріобрѣтенія подарка, компрометировавшій отца, меня постоянно мучили, но всякій разъ, при воспоминаніи объ этомъ случаѣ, утѣшеніемъ служило сознаніе, что если бы продѣлка съ аптекарями не удалась, то озлобленный, забитый 9-тилѣтній мальчикъ могъ отважиться на поступокъ еще худшій.

Улучшившаяся аттестація изъ лица не улучшила моего положенія въ семейномъ быту; всѣ проказы, всѣ шалости братьевъ и сестры, мать приписывала мнѣ и, не требуя отъ меня никакихъ объясненій, подвергала наказанію. Это неблагопріятно дѣйствовало на братьевъ; пользуясь тѣмъ, что я ихъ не выдавалъ, они сами не сознавались въ своей винѣ, только братъ Александръ иногда выручалъ меня. Не мудрено, что я чрезвычайно радовался извѣстію изъ Петербурга, полученному передъ Пасхой 1826 г., что я и братъ Александръ приняты въ корпусъ и должны были явиться туда въ іюль. Я прыгалъ, рѣзвился, просто ошалѣлъ отъ радости и не умѣлъ скрывать, что нетерпѣливо жду отъѣзда изъ Одессы. Братъ Александръ, напротивъ, плакалъ, скучалъ и боялся вспомнить о предстоящей разлукѣ съ семьей. Такая разница во взглядѣ двухъ братьевъ, конечно, располагала всю семью не въ мою пользу.

Въ іюнѣ 1826 года, когда мнѣ минуло 10 лѣтъ, насъ отправили въ Петербургъ съ какимъ-то купцомъ, грекомъ или армяниномъ, худо говорившимъ по-русски. Онъ привезъ насъ къ дядѣ Ильѣ, а послѣдній черезъ нѣсколько дней сдалъ насъ въ корпусъ.

II.

Мы были приняты въ императорскій Военно-сиротскій домъ. Утромъ, не помню въ какой день іюля, дядя привезъ насъ къ директору кор-

пуса. Мы долго ожидали генерала; онъ наконецъ вышелъ, или, вѣрнѣе, прошелъ мимо насъ; дядя уѣхалъ, а насъ отвели въ лазаретъ, тамъ приказали раздѣться и мы опять долго ждали докторскаго осмотра; изъ лазарета насъ отвели въ роту. Ни директоръ, ни докторъ, ни слова съ нами не говорили.

Въ 1826 году, императорскій Военно-сиротскій домъ дѣлился на двѣ роты съ отдѣленіемъ для малолѣтнихъ при каждой.

Мы поступили въ малолѣтнее отдѣленіе 1-й роты. Ротнымъ командиромъ былъ подполковникъ Павелъ Андреевичъ Тишениновъ, впоследствии полковникомъ уволенный отъ службы.

Директоромъ корпуса былъ генералъ Арсеньевъ, впоследствии начальникъ дома умалишенныхъ, по петергофской дорогѣ.

Главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ былъ генералъ Кутузовъ, впоследствии с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

Главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній былъ его высочество цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Пишу то, что сознательно помню,—у меня не осталось никакихъ письменныхъ документовъ.

П. А. Тишениновъ обласкалъ насъ, показалъ намъ мѣста въ камерѣ, давалъ наставленія, изъ которыхъ мы ничего не запомнили и почти не слушали ихъ, такъ какъ около насъ собралось уже нѣсколько кадетъ, которыхъ вообще, по случаю каникулярнаго времени, въ камерѣ находилось не много. По тогдашнему обычаю, первое знакомство съ новичками состояло въ побояхъ; не помню, какъ встрѣченъ былъ братъ, а меня одинъ кадетъ порядочно угостилъ кулакомъ въ бокъ, но я, не церемонясь, отвѣтилъ на отмашку кулакомъ же по лицу. Общій хохотъ присутствовавшихъ при этомъ кадетъ обратилъ вниманіе Тишенинова, который еще не успѣлъ уйти изъ камеры; но Тишениновъ, зная кадетскіе обычаи, смотрѣлъ на эту встрѣчу новичковъ снисходительно, а кадеты замѣтили относительно насъ, что мы хотя и новички, но уже бывалые въ передрягахъ, и это способствовало тому, что съ перваго же дня прибытія въ корпусъ, у насъ установились хорошія отношенія съ кадетами.

Кадетская камера и вся обстановка въ ней не произвели на насъ никакого особаго впечатлѣнія; но первый обѣдъ въ огромной столовой, куда собирался весь корпусъ, произвелъ потрясающее дѣйствіе. Шумъ отъ говора и стукотня посудой до того озадачили насъ, что мы въ первый обѣдъ почти ничего не ѣли, и хотя, по каникулярному времени, за роспускомъ кадетъ по домамъ, половина столовъ не была накрыта, но шумъ въ столовой былъ не менѣе того, какъ впоследствии бывалъ при полномъ сборѣ корпуса, потому что во время каникулъ давались кадетамъ разныя льготы—въ столовой не запрещался громкій разговоръ и смѣхъ, даже дозволяли вставать съ мѣстъ.

Военно-сиротскій домъ помѣщался тогда у Обухова моста, въ томъ зданіи, гдѣ нынѣ Константиновское военное училищѣ. Въ надвор-

ныхъ фасадахъ были спальни, называемыя камерами, а въ фасѣ, обращенномъ на улицу, на нынѣшній Забалканскій проспектъ, въ среднемъ этажѣ была столовая, а въ верхнемъ рекреационный залъ. Весь нижній этажъ занимался офицерскими квартирами и хозяйственными помѣщеніями; въ фасахъ, обращенныхъ на дворъ, въ среднемъ этажѣ помѣщалась первая рота, а въ верхнемъ этажѣ вторая рота.

На улицѣ, противъ корпуса, были небольшіе деревянные домики, и тамъ, гдѣ нынѣ Технологическій институтъ, почти до Новодѣвичьяго монастыря, а въ ширину почти до нынѣшняго воксала царскосельской желѣзной дороги, разстилалось огромное поле, называвшееся Волинскимъ, гдѣ помѣщалась придворная охота. Изъ корпусной столовой и рекреационнаго зала видно было, какъ при дрессировкѣ собакъ травили звѣрей. Это дѣлалось обыкновенно днемъ, во время кадетскаго обѣда, и въ каникулы позволялось кадетамъ послѣ обѣда подходить къ окнамъ смотрѣть травлю звѣрей. Но тогдашніе кадеты не умѣли спокойно подходить къ окнамъ и мы были ошеломлены, когда, послѣ перваго нашего обѣда въ корпусѣ, кадеты ринулись къ окнамъ, опрокидывая одинъ другаго и скамейки отъ обѣденныхъ столовъ, и съ боя занимали удобныя мѣста у оконъ.

Въ каникулярное время никакихъ учебныхъ занятій не производилось. Въ хорошую погоду, большую часть дня кадеты проводили на внутреннемъ дворѣ, въ саду и на лугу. Дворъ, выложенный булыжнымъ камнемъ и заросшій травой, былъ окруженъ зданіями; садъ, обнесенный каменнымъ заборомъ, выходилъ на Фонтанку, а лугъ, на углу Фонтанки и Забалканскаго проспекта, былъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ. Никакихъ гимнастическихъ приспособленій тогда не было, но въ саду позволялось лазить по деревьямъ и прыгать черезъ канавы, которыхъ было много на топкой, болотистой мѣстности, занимаемой садомъ; лазить же на заборы запрещалось, но того именно и хочется, что запрещаютъ, и потому кадеты пользовались каждымъ отсутствіемъ дежурнаго офицера и цѣлыми партіями лазили на заборъ и по условному знаку, разомъ, вскрикивали на прохожихъ по тротуару и тѣмъ пугали или смѣшили проходившихъ мимо; случалось, что кадеты, вооружась гвоздемъ, насаженнымъ на палку, какъ крюкомъ, стаскивали шапки съ прохожихъ. Лазаніе на деревья и на заборъ часто сопровождалось драками, поводомъ къ которымъ служило захватъ дерева или мѣста на заборѣ, наиболѣе удобныхъ для лазанія.

Камерныя каникулярныя занятія заключались въ слѣдующемъ: кадеты много шили; они начинали эту практику съ шитья подтяжекъ, ношеніе которыхъ было обязательно, но которыя отъ казны не отпускались; подтяжки шились изъ лоскутковъ всевозможныхъ матерій; затѣмъ чинили платье, особенно холщевыя лѣтнія панталоны; практиковалось или, вѣрнѣе, изучалось до совершенства искусство чистить сапоги, причемъ заплаты на сапогахъ замазывались клестеромъ,

чтобы не были замѣтны; практиковались въ починкѣ сапоговъ, въ чисткѣ пуговицъ и всей мѣдной принадлежности обмундирования и снаряженія; обязательно было мыть лѣтнее холщевое платье; бѣлили и лакировали амуничные ремни, что тогда было дѣломъ сложнымъ. Для развлечения дозволялось ловить и разводить мышей. Мышеловы дѣлились на компаніи въ 3, 4 и болѣе кадетъ, устраивали въ коридорахъ клѣтки или гнѣзда для мышей, помѣщали туда самцовъ и самокъ, и та компанія торжествовала, у которой появятся первые мышенята. Многіе изъ молодыхъ кадетъ, по примѣру старшихъ, заучивали стишки въ честь Оли, Маши, Кати и пр., и по вечерамъ декламировали ихъ. Преданіе гласило, что обычай этотъ введенъ въ то время, когда женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома помѣщалось въ одномъ зданіи съ кадетами—дѣвицы въ верхнемъ этажѣ, а кадеты въ среднемъ. При мнѣ женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома (нынѣшній Павловскій институтъ) помѣщалось въ отдѣльномъ домѣ, на Фонтанкѣ, не далеко отъ Измайловскаго моста, но директоръ и управленіе были общіе, и я хорошо помню, что стекла и подоконники въ среднемъ этажѣ корпуса были исписаны женскими именами, а въ верхнемъ этажѣ, гдѣ прежде помѣщались дѣвицы, окна были исписаны мужскими именами: Коля, Вася, Петя и пр. Помню смутно, что обычай ухода за мышами относился къ тому же времени; кадеты, привлекая мышей къ себѣ, думали этимъ избавить отъ нихъ дѣвицъ.

Въ тѣ времена кадетъ не водили въ лагерь; каникулы кончались и классы открывались въ самыхъ первыхъ числахъ августа.

Полный тогдашній кадетскій курсъ проходилъ въ 7 лѣтъ, но классовъ было 12; младшіе курсы, по большому числу учениковъ, дѣлились на два параллельные класса. Классы дѣлились на нижніе, средніе и верхніе.

Ежедневная жизнь распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: вставали и ложились спать по барабану—первый утренній бой былъ въ 6 часовъ, второй въ 6^{1/4} час., по которому всѣ должны были встать. Барабанщикъ проходилъ по самымъ камерамъ возлѣ кроватей и кадеты часто не слышали боя. Въ 7 часовъ завтракали, въ 12 часовъ обѣдали, въ 6 часовъ вечера полдничали, въ 9 ужинали, въ 10 часовъ ложились спать.

Классныя занятія продолжались утромъ три часа, съ 8-ми до 11-ти, и послѣ обѣда три часа, съ 3-хъ до 6-ти. Каждый день во всѣхъ классахъ было по 4 урока, каждый урокъ продолжался 1 часъ 25 минутъ. Между каждыми двумя уроками былъ отдыхъ на 10 минутъ. Рекреаціонное время было: утромъ съ небольшимъ часъ, до 8 часовъ; часъ передъ обѣдомъ, отъ 11 до 12 часовъ—въ этотъ часъ кадеты бѣгали на дворѣ, если погода была не слишкомъ дурна; впоследствии въ это время было фронтное ученіе, и вечеромъ съ 6-ти до 9-ти часовъ.

Утренній завтракъ состоялъ въ ломтѣ хлѣба, въ кускѣ соли и въ ковшѣ воды. Хлѣбъ обыкновенно былъ черствый, ржавый, соль черноватая, въ большихъ кускахъ; куски соли кадеты разбивали каблуками; вода стояла въ грязныхъ, заплѣснѣлыхъ ушатахъ, всегда воючая, ковши были желѣзные, всегда ржавые. Передъ завтракомъ кадеты строились къ молитвѣ; одинъ кадетъ, по очереди, громко читалъ „Отче нашъ“, затѣмъ офицеры, а впослѣдствіи и унтеръ-офицеры, осматривали чисто-ли вымыты руки, въ порядкѣ ли платьѣ и обуви, послѣ чего кадеты рядами, въ одну шеренгу, подходили за порціями хлѣба и соли.

Ежедневный обѣдъ состоялъ изъ супа или щей, изъ которыхъ говядина вынималась, разрѣзывалась порціями и подъ какимъ нибудь соусомъ подавалась вторымъ блюдомъ. Третьимъ блюдомъ ежедневно былъ, на каждаго кадета, пирогъ съ говядиною, или капустою, кашею, или морковью; по четвергамъ вмѣсто пирога давались изъ слоенаго тѣста кольца, въ родѣ пирожнаго, а по воскресеньямъ — ватрушки. Въ большіе праздники прибавлялось по порціи жаркого и вмѣсто десерта давали пряники, или изюмъ.

Ужинъ состоялъ также изъ супа или щей, безъ мяса, и каши-размазни, или крутой, гречневой, пшенной или ячневой, а иногда вмѣсто каши давали вареный картофель, называемый картофелемъ въ мундирѣ.

Между обѣдомъ и ужиномъ, въ 6 часовъ, давали по полу-ломтю черного хлѣба, безъ соли.

Большинству кадетъ не нравились обѣдъ и ужинъ, но многіе, подобно мнѣ, не будучи избалованы дома, находили пищу хорошею и особенно были довольны тѣмъ, что какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, щей, супу и хлѣба давали каждому, кто сколько хочетъ, и не было рѣдкостью, что ѣдоки уписывали по двѣ и по три тарелки щей.

Бѣлье на кадетахъ и постельное мѣнялось разъ въ недѣлю; бѣлье зачастую было рваное и едва-ли было лучше солдатскаго гвардейскаго. Въ баню водили разъ въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже, откладывая до предстоящаго большого праздника; появленіе вшей было не рѣдкостью, а часотка была обыкновенною болѣзною. Постели служили складомъ тетрадей, щетокъ, тряпокъ и разнаго хлама. Полотенца были общія на камеру, рукомойниковъ было недостаточно и они помѣщались въ тѣсномъ, грязномъ, темноватомъ чуланѣ; обыкновенно приходилось ожидать очереди мыться.

Платье на кадетъ полагалось одно—не было стараго и новаго; новичкамъ не шили новаго платья, а передѣлывали съ убылыхъ, или большихъ кадетъ. Платье оставалось на плечахъ до совершеннаго износа, заплатка бывала на заплаткѣ. Кадеты сами чистили сапоги, весь мѣдный приборъ къ амуниціи, ружья, часто сами бѣлили амуницію. Служителей было мало, они едва успѣвали отапливать, мыть

и убирать комнаты, и въ этомъ дѣлѣ кадеты часто помогали служителямъ. Казенныхъ шинелей и никакой иной теплой казенной одежды не полагалось; для увольненія со двора къ родственникамъ, кадеты должны были имѣть свои собственные шинели, наушники, рукавицы.

Въ камерахъ было очень холодно, что особенно чувствовалось по утрамъ, вечеромъ же и вообще днемъ, кадеты сами грѣлись, бѣгали, возились, и только лѣнныя или степенныя кадеты страдали отъ холода; ихъ называли зябликами. Коридоры и камеры освѣщались свѣчными свѣчами, но весьма мало; для вечернихъ же занятій выдавалось нѣсколько свѣчей на камеру, и чтобы добыть эти свѣчи, всякій день приходилось вступать въ бой, часто кровопролитный. Отхожія мѣста были въ самомъ ужасномъ видѣ, никто изъ начальниковъ не заглядывалъ туда; мѣсть тамъ было недостаточно и велась очередь, кто кого смѣняетъ. Отъ отхожихъ мѣстъ вонь распространялась по коридорамъ и камерамъ.

По класснымъ занятіямъ кадеты терпѣли большую нужду въ бумагахъ, перьяхъ, карандашахъ и проч. Кто не имѣлъ средствъ пріобрѣтать эти предметы на свои деньги, тому оставалось только отказывать себѣ въ пищѣ и покупать классныя принадлежности на домашнемъ рынкѣ. Эти рынки открывались ежедневно послѣ обѣда. Дѣти бѣдныхъ родителей не ѣли свои пироги, приносили ихъ въ камеры и промѣнивали на бумагу, перья и проч., или продавали за деньги зажиточнымъ кадетамъ. На все была установлена неизмѣнная такса: за пирогъ можно было получить листъ бумаги, или два гусиныхъ пера; кольцо, какъ пирожное, цѣнилось вдвое дороже пирога; на деньги кольцо, или два пирога, цѣнились въ пятакъ, по нынѣшнему курсу 1¹/₄ коп.

Нравственными средствами воспитанія служили исключительно одни наказанія и только отчасти поощрялись успѣхи въ наукахъ. Обыкновеннымъ наказаніемъ было—оставленіе безъ пирога, оставленіе безъ обѣда; оставляли безъ обѣда и ставили во время обѣда у столба, въ общей столовой; неувольненіе изъ корпуса къ родственникамъ и преимущественно наказаніе розгами. Карцеръ или арестъ предшествовалъ сильному наказанію розгами. Сѣкли за каждую бездѣлицу: разбитіе стекла въ окнѣ, разбитіе посуды въ столовой, оторванная пуговица, грязный сапогъ,—влекли за собою наказаніе розгами, а дурная отмѣтка въ классѣ неизбѣжно влекла ихъ за собою. Многіе кадеты до того привыкли къ розгамъ, что промѣнивали это наказаніе на лишеніе пирога; многіе покупали за гривенникъ, или за четыре пирога, чужую вину и были наказываемы розгами.

Сѣкли всякій день по 3, по 5 человѣка изъ роты; это дѣлалось утромъ передъ завтракомъ, въ той комнатѣ, гдѣ находились рукомыльники. Исполнителями наказанія были одни и тѣ же лица; ихъ можно было подкупать или за добривать разными средствами, чтобы были поспасительнѣе. Наказаніе розгами дѣлилось на три вида: ежеднев-

ное, одиночное наказаніе, въ помѣщеніи для умывальниковъ, приче́мъ виновный получалъ отъ 10 до 50 ударовъ. Субботнее, или недѣльное наказаніе совершалось передъ выстроенною ротою, въ большомъ ротномъ коридорѣ; тутъ бывало иногда до 30 жертвъ и каждая жертва получала отъ 50 до 75 ударовъ. Экстренное наказаніе, передъ цѣлымъ корпусомъ, въ рекреационномъ залѣ, совершалось всегда въ присутствіи самого директора корпуса, надъ старшими кадетами, за грубость противъ офицера, за самовольную отлучку изъ корпуса, за пьянство и проч. Вся обстановка принимала какой-то торжественный видъ; каждый изъ наказуемыхъ получалъ не менѣе 100 ударовъ, а ихъ бывало отъ 2 до 5 человекъ.

Въ ротной или камерной жизни не было никакихъ особыхъ поощреній хорошимъ кадетамъ, но за успѣхи въ классахъ фамиліи лучшихъ учениковъ выписывались на красную доску и при нѣмъ одинъ разъ выдавали книги въ подарокъ лучшимъ ученикамъ.

Для присмотра за кадетами всякій день наряжались дежурными три офицера; два дежурили по ротамъ, и одинъ, старшій, былъ дежурнымъ по корпусу. Дежурные офицеры цѣлыя сутки безотлучно должны были находиться при кадетахъ; въ часы классныхъ занятій, они изъ коридоровъ, черезъ окна въ классныхъ дверяхъ, наблюдали за порядкомъ въ классѣ и входить въ классъ могли только при особыхъ случаяхъ. Рота дѣлилась на отдѣленія или камеры и въ ротѣ былъ 5—6 офицеровъ; всего въ корпусѣ было болѣе 12 офицеровъ, но они часто мѣнялись; помню не многихъ, наприм., прекрасныхъ, образованныхъ офицеровъ—Владими́ра Алексѣевича Вишнякова и Льва Михайловича Павловскаго, которыхъ впослѣдствіи встрѣчалъ генералъ-лейтенантами. Помню добряка Михаила Ивановича Толпыгу, прозваннаго „Толпыгой“; онъ, въ 1828 году, при полученіи извѣстія о взятіи Браилова, цѣлыя сутки искалъ Браилова на картѣ, перечитывая всѣ географическія надписи, начиная со Скандинавскаго полуострова.

Ротный командиръ Тишениновъ каждый Божій день являлся въ роту, утромъ, передъ завтракомъ, и каждый день заходилъ въ роту въ другіе часы дня, всегда неожиданно. Его любили кадеты въ сравненіи съ командиромъ второй роты, горячимъ нѣмцемъ, подполковникомъ Бриммеромъ. Тишениновъ поролъ методически, при наказаніи всегда былъ спокоенъ; кадеты приноровались къ нему, впередъ предсказывали, кто получитъ 10, кто 20 розогъ, и рѣдко ошибались. Бриммеръ былъ болѣе жестокъ въ наказаніи и самъ всегда горячился, выхватывалъ иногда розги отъ служителя и собственноручно билъ то кадета, то служителя, совершавшаго наказаніе.

! Директора корпуса, генерала Арсеньева, кадеты не видѣли ни въ классахъ, ни въ камерахъ, ни въ столовой, ни даже въ церкви. Арсеньевъ являлся всегда въ рекреационный залъ, при сборѣ цѣлаго корпуса, для торжественнаго наказанія виновныхъ, при этомъ всегда заставлялъ себя долго ждать; войдя въ залъ, не здоровался съ цѣлымъ

корпусомъ, а прямо набрасывался съ бранью на виновныхъ, и если тѣ передъ наказаніемъ вымаливали прощенія, или приводили оправданіе, то Арсеньевъ горячился, не рѣдко билъ просящихъ пощадъ, и билъ кулакомъ по лицу; случалось, что отъ директорскаго удара у несчастнаго кровь текла по лицу, что происходило или отъ директорскаго перстня, или отъ табакерки, бывшей всегда въ рукѣ директора.

Главный директоръ, генералъ Кутузовъ, при мнѣ былъ въ корпусѣ два раза. Не знаю, какъ онъ вліялъ на корпусное начальство, но для кадетъ присутствіе или отсутствіе его было безразлично.

Главный начальникъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, жилъ въ Варшавѣ и при мнѣ ни разу не былъ въ корпусѣ; я видѣлъ его высочество всего одинъ разъ и то издали, и не какъ главнаго начальника, а какъ сына, при погребеніи императрицы Маріи Теодоровны.

Въ описываемое время учебная часть, т. е. занятія въ классахъ, стояли на первомъ планѣ. Уже было сказано, что дурныя отмѣтки въ классахъ не прощались, и можно смѣло подтвердить, что $\frac{3}{4}$, даже $\frac{9}{10}$ наказаній назначались за неуспѣхъ, или за шалость въ классахъ.

Методъ обученія шель въ уровень съ повсемѣстнымъ тогда методомъ обученія, т. е. долбили наизусть указанныя страницы, слово въ слово, часто безсознательно. Такъ учили и исторію, и географію, и грамматику, и даже ариметику. Конечно, при хорошемъ учителѣ возрастало и число хорошихъ учениковъ, но въ то время въ младшихъ классахъ почти не было хорошихъ учителей, да и учителя вообще до того часто мѣнялись, что не сохранялись въ памяти. Приведу немногихъ:

Учитель русскаго языка Медвѣдевъ преподавалъ по книжкѣ, имъ самимъ составленной, но книжка была такъ тяжело написана и самъ онъ такъ протяжно и плаксиво говорилъ, что наводилъ сонъ и уныніе. О Грибоѣдовѣ онъ отзывался съ пренебреженіемъ, а Пушкина называлъ вольнодумцемъ.

Учитель ариметики Изосемскій, тогда уже дряхлый, беззубый старикъ; у него ариметика по книгѣ долбилась наизусть, даже со всѣми примѣрами. Самъ онъ постоянно старался разжалобить кадетъ своею бѣдностью, и кадеты собирали ему салыные огарки и куски хлѣба, а Изосемскій все бралъ, всякое даяніе для него было благо.

Французъ Кара, о которомъ говорили, что онъ не плѣнный, а бѣглый французскій барабанщикъ. Кадеты выучили одинъ французскій барабанный бой и маленькими палочками барабанили по классному столу. Кара бѣсился, а когда подмѣчалъ, кто барабанитъ, то бросалъ въ того толстую книгу—„Французская грамматика Ломонда“, по которой преподавался французскій языкъ.

Нѣмецкаго учителя не любили; фамилію его не помню; кадеты были рады, подмѣтивъ, что онъ боится мышей, и къ приходу его запасали въ ящичкѣ учительскаго столика двѣ-три мыши. Этимъ часто выжидали учителя изъ класса.

Въ среднихъ классахъ кадеты либили учителя исторіи, Соловьева и заслушивались его разсказами о Персидскихъ и Пуническихъ войнахъ; не знаю имени этого Соловьева; тогда онъ былъ молодъ, высокаго роста, громко говорилъ.

Законоучителемъ былъ свой корпусный священникъ Лавръ, почтенной наружности, всегда кроткій, привѣтливый, ласковый, но кадеты не уважали его за то, что онъ обманывалъ на экзаменахъ. Начальство довѣряло ему самому давать вопросы на экзаменѣ, а онъ передъ экзаменомъ дѣлалъ расписаніе, что у кого спросить.

У Синяго моста въ то время были деревянные домики съ заборами; въ одномъ изъ этихъ домиковъ была контора или справочное мѣсто для найма учителей и гувернеровъ. При открытіи учительской ваканціи, изъ корпуса посылали туда того унтеръ-офицера, который состоялъ при корпусной библіотекѣ и на обязанности котораго лежало своевременно звономъ колокольчика возвѣщать начало и конецъ классныхъ занятій. Кадеты говорили, что съ Синяго моста по колокольчику собираютъ и учителей въ корпусъ.

Экзамены въ младшихъ классахъ производились самимъ учителемъ, въ присутствіи другого учителя по тому же предмету и всегда въ присутствіи помощника инспектора. Въ первые три или 3½ года моего пребыванія въ корпусѣ, инспекторомъ классовъ былъ г. Шумахеръ; можетъ быть, онъ бывалъ въ старшихъ классахъ, но въ младшихъ классахъ его никто не видѣлъ, не только въ дни обыкновенныхъ классныхъ занятій, но даже и во время экзаменовъ. Младшими классами завѣдывалъ помощникъ инспектора Александръ Федоровичъ Шенинъ.

Шенинъ—весьма замѣчательная личность въ корпусѣ. Происхожденіе его неизвѣстно; говорили, что онъ „сынъ этого же корпуса“, но родителей не указывали. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ этомъ же корпусѣ, но потомъ образовалъ себя чтеніемъ и настойчивымъ трудомъ. Онъ былъ небольшого роста, не много горбать, съ большою головою и съ кривыми, расходящимися ногами. Еще въ званіи помощника инспектора, онъ самовластно распоряжался въ классахъ, имѣлъ огромное вліяніе во всемъ корпусномъ управленіи и по произволу располагалъ участію кадетъ; впоследствии, при Ростовцевѣ, Шенинъ приобрѣлъ еще большее значеніе.

Сколько помнится, правильное фронтовое ученіе началось съ 1827 года и производилось ежедневно, но не болѣе одного часа, съ 11 до 12 часовъ утра. Гимнастикою, фехтованіемъ, танцами и верховою ѣздою вовсе не занимались.

Необходимо сказать объ экономѣ Военно-сиротскаго дома Кандауровѣ. Старые кадеты помнили поступленіе его въ корпусъ, помнили Кандаурова бѣднякомъ, ходившимъ въ рваномъ сюртучишкѣ, но Кандауровъ, какъ хорошій хозяинъ, скоро оправился и уже въ мое время воздвигъ себѣ большой каменный, 4-хъ или 5-ти этажный домъ на Фонтанкѣ, а когда, вмѣстѣ съ директоромъ Арсеньевымъ, Кандауровъ

былъ переведенъ экономомъ въ домъ умалишенныхъ, то рядомъ съ послѣднимъ, на Петергофской дорогѣ, появилась великолѣпная дача Кандаурова.

III.

Скажу кое-что и о себѣ, что также бросить свѣтъ на тогдашнюю кадетскую жизнь. Не знаю, перемѣнился ли я, или понятіе о словѣ шалунъ было различно въ частной семьѣ и въ корпусѣ, но я, считавшійся въ родной семьѣ неисправимымъ шалуномъ, въ корпусѣ никогда не былъ въ разрядѣ шалуновъ, никогда не былъ во главѣ какой-нибудь общей шалости, но участвовалъ съ другими кадетами въ недозволяемыхъ продѣлкахъ, въ которыхъ, однако, начальство меня ни разу не поймало, наприм., во время прогулокъ лазилъ на заборъ, даже перелѣзалъ черезъ него на экономскій дворикъ, во время рубки капусты добывать кочерыжки. Участвовалъ въ ночныхъ процессіяхъ, которыя состояли въ томъ, что нѣсколько кадетъ сговаривались наказать, или просто прибить кадета, избличеннаго въ шпионствѣ передъ начальствомъ, и для этого тихохонько поднимались ночью, тушили ночники, покрывались простынями и, по исполненіи задуманнаго, возвращались на свои мѣста, оставаясь не узнанными тѣмъ, который получилъ заслуженное наказаніе.

Каждый курсъ я и братъ Александръ оканчивали успѣшно и послѣ годоваго экзамена были переводимы въ высшій курсъ; въ камерахъ первыя пять лѣтъ мы были неразлучны, спали рядомъ, но въ классахъ расходились; со втораго курса я обогналъ брата; ему нужно было болѣе времени для приготовленія уроковъ, чѣмъ мнѣ, онъ и болѣе заботился о томъ, и въ первые годы будилъ меня утромъ, часа за два до барабана. Въ корпусѣ требовали, чтобы спать ложились всѣ одновременно, но вставать рано утромъ можно было по произволу, хотя съ полуночи, и начиная съ пятаго курса, я вставалъ постоянно въ 3, въ 2 часа ночи, а передъ экзаменами и съ полуночи. Съ братомъ Александромъ жилъ я постоянно истинно по-братски, никакого соперничества между нами не было, и другихъ, такъ называемыхъ закадычныхъ, друзей у насъ не было, но конечно, въ каждомъ классѣ съ нѣкоторыми кадетами мы сближались болѣе, чѣмъ съ остальными; тогда болѣе дорожили класснымъ сближеніемъ, чѣмъ камернымъ или ротнымъ.

Находясь въ младшихъ классахъ, я нѣсколько разъ попадалъ на похвальную классную доску; о такихъ ученикахъ сообщалось въ роту; Тишениновъ вызывалъ ихъ передъ ротой, обыкновенно утромъ передъ завтракомъ, говорилъ нѣсколько поощрительныхъ словъ, и помню, что разъ даже поцѣловалъ меня. И кадеты чтили тѣхъ, которые хорошо шли въ классахъ, но только старые кадеты строго наблюдали за тѣмъ, чтобы въ русскомъ военно-учебномъ заведеніи никто не смѣлъ говорить на иностранномъ языкѣ, и слово, сказанное на француз-

скомъ или нѣмецкомъ языкѣ, не прощалось; старые кадеты больно били за это. Братъ и я, при поступленіи въ корпусъ, также говорили по-нѣмецки, какъ и по-русски, но оба въ корпусѣ совершенно забыли нѣмецкій языкъ.

Во все время пребыванія въ корпусѣ, я былъ совершенно здоровъ, не помню даже легкой болѣзни—простудной, желудочной, головной. Но въ лазаретѣ былъ два раза. Прыгая въ саду черезъ канаву, я упалъ, ушибъ руку, а на меня навалилось еще нѣсколько кадетъ; рука распухла, меня отправили въ лазаретъ и я пробылъ тамъ три или четыре дня. Во второй разъ я приходилъ въ лазаретъ только на перевязку: въ классѣ, утромъ, до прихода учителя, одинъ кадетъ, склонивъ голову на столъ, уснулъ; другой кадетъ, снявъ съ сальной свѣчи горящій пепелъ, положилъ тому на голову. Почувствовавъ ожогъ, спящій проснулся и бросилъ подсвѣчникъ въ того, кого подозревалъ въ этой продѣлкѣ, но попалъ въ меня, разсѣкъ кожу на головѣ такъ, что кровь брызнула фонтаномъ, и шрамъ до сихъ поръ сохранился. Тогдашняя лазаретная обстановка соответствовала камерной. Докторъ Принцъ, имѣвшій значительную практику въ городѣ, разъ въ день, утромъ, быстро обходилъ лазаретъ и еще быстрѣе осматривалъ вновь поступающихъ въ лазаретъ, никому не отказывая въ приѣмѣ, за что кадеты очень любили Принца. Но Принцъ хорошо наметался отличать дѣйствительно больного отъ мнимо больного, и о притворявшемся кадетикѣ скороговоркою говорилъ фельдшеру: „Фебрисъ притворѣсь, декохтъ алтей“. Это значило, что такому субъекту вмѣсто супа дадутъ теплую водицу и такое горькое питье, что больной на слѣдующее же утро умолялъ о выпискѣ изъ лазарета. Тогда что-то не слышно было о трудно-больныхъ и о смертныхъ случаяхъ. Наступившіе новые порядки подтянули и Принца; онъ сталъ почаше ходить въ лазаретъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилось и число больныхъ, и серьезность болѣзней, и число смертныхъ случаевъ.

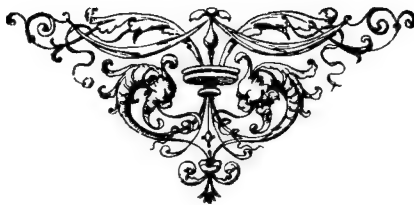
По отдачѣ насъ въ корпусъ, дядя Илья очень рѣдко бралъ насъ къ себѣ въ праздники; большую часть праздниковъ и всѣ воскресенья мы проводили въ корпусѣ; по смерти дяди Ильи, года полтора мы безвыходно были въ корпусѣ, потомъ родственникъ дяди Ильи, докторъ инженернаго училища Волькенау, бралъ насъ къ себѣ, сначала изрѣдка, а за тѣмъ, передъ выпускомъ изъ корпуса, чаще и чаще. Родители высылали намъ на мелочные расходы и на лакомство ежегодно на cadaго по пяти рублей ассигнаціями, или монетою 1 руб. 40 коп. Деньги, конечно, поступали къ ротному командиру и въ большіе праздники разрѣшалось каждому изъ тѣхъ, чьи деньги хранились у него, расходовать на лакомство по пятаку; мы двое могли расходовать 10 коп. мѣдью, или нѣшнихъ около 3 к. серебромъ. Каждому предоставлялось право самому назначить, чтѣ именно онъ желаетъ получить за 5 к. Это называлось записаться на лавочку, и въ праздникъ, послѣ обѣда, ротный

каптенармусъ, обходя камеры, громко возглашалъ: „на лавочку, на лавочку“, и записывалъ, кто и чего желаетъ получить на 5 к. Согласно съ мнѣніемъ большинства, мы свои 10 к. обыкновенно распредѣляли такъ: на 3 коп. ситника, на 3 к. пополамъ масла и патоки, на 2 к. леденцовъ и на 2 к. маковниковъ. Кадеты уличали, что каптенармусъ и въ этихъ деньгахъ часто обсчитывалъ кадетъ.

Въ зимніе праздники кадетамъ, остававшимся въ корпусѣ, дозволялось по утрамъ печь картофель въ камерныхъ печахъ; это было общимъ отраднымъ занятіемъ, и даже записные лѣнтяи рано поднимались, чтобы не пропустить топку печей. Отъ ужина за нѣсколько дней запасались варенымъ картофелемъ, и жидкое топленое масло, раздававшееся за ужиномъ порціями, по столовой ложкѣ, посредствомъ холодной воды обращалось въ твердое состояніе и въ бумажкѣ приносилось въ камеру. Въ зимніе праздники разрѣшалось приготовить и мороженый завтракъ; для этого утренній ломоть хлѣба посыпался солью, слегка смазывался масломъ, припасеннымъ отъ ужина, и клался за форточку на морозъ.

На четвертомъ году пребыванія моего въ корпусѣ, начались въ немъ перемѣны, и къ выпуску моему не осталось и слѣдовъ императорскаго Военно-сиротскаго дома.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КАДЕТСКИЙ БЫТЪ ДВАДЦАТЫХЪ—ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ¹⁾.

1826—1834.

(Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренкѣ).

IV.

ВЪ МОЕ время совершился полный переворотъ въ кадетскихъ корпусахъ; все измѣнилось: кадетскій бытъ, кадетская жизнь, воспитаніе, духъ кадетъ. Буду говорить только о Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Въ 1829 году, Императорскій военно-сиротскій домъ былъ переименованъ въ Павловскій кадетскій корпусъ: малолѣтнее отдѣленіе переведено въ Александровскій кадетскій корпусъ, въ Царское Село. Корпусъ раздѣленъ былъ на пять ротъ: одна гренадерская, три мушкетерскія, называвшіяся просто 1-я, 2-я и 3-я ротами, и одна резервная. Изъ четырехъ строевыхъ ротъ составилъ баталіонъ; ротными командирами были капитаны, а баталіоннымъ командиромъ штабъ-офицеръ. Первымъ баталіоннымъ командиромъ былъ Федоръ Васильевичъ Главацкій, тогда подполковникъ, а впослѣдствіи генераль-лейтенантъ директоръ Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса.

Тишениновъ и Бриммеръ сошли со сцены. Еще ранѣ смѣнены директоръ Арсеньевъ, инспекторъ классовъ Шумахеръ и главный директоръ Кутузовъ, и назначены: директоромъ генераль-лейтенантъ Карлъ Федоровичъ Клингенбергъ, инспекторомъ полковникъ Верещагинъ и главнымъ директоромъ генераль отъ инфантеріи Николай

¹⁾ Окончаніе. См. „Ист. Вѣстн.“, т. VIII, стр. 110.

Ивановичъ Демидовъ. Наконецъ, по смерти цесаревича Константина Павловича, главнымъ начальникомъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній назначенъ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Главацкій, какъ баталіонный командиръ, былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, по тогдашнему требованію. Онъ отлично зналъ воинскій уставъ, умѣлъ учить кадетъ, былъ вѣжливъ и привѣтливъ съ ними, внимателенъ и исполнительенъ предъ высшими начальниками, и немудрено, что скоро сдѣлался общимъ любимцемъ и кадетъ, и начальниковъ. Его назначеніе, его призваніе состояли въ томъ, чтобы поднять въ корпусѣ фронтową часть, чтобы въ этомъ отношеніи не только соперничать, но и перещеголять другіе кадетскіе корпуса, и были годы, когда Главацкій дѣйствительно торжествовалъ. Но въ торжествѣ своемъ онъ опускалъ изъ вида, что успѣхъ его былъ прямо противоположенъ успѣху умственного образованія кадетъ.

Инспекторъ классовъ, полковникъ Верецагинъ, былъ игрушкой въ рукахъ Шенина, который изъ него дѣлалъ все, что хотѣлъ. Верецагинъ былъ фанфаронъ, любилъ поболтать, но говорилъ складно, пріятно. При званіи инспектора, онъ принялъ на себя преподаваніе тактики и стратегіи и это дало ему обширное поприще морочить юныя головы слушателей разсказами о небывалыхъ военныхъ подвигахъ вымышленныхъ имъ лицъ, а если Верецагинъ выставлялъ въ примѣръ историческое лицо, то очень часто перепутывалъ событія: дѣянія Фридриха II приписывалъ Густаву Адольфу, и кадеты не разъ ловили его. Лысый или совершенно безволосый Верецагинъ, послѣ каникулъ, кажется, 1832 года, явился въ классы въ черномъ парикѣ; кадеты сговорились быть вѣжливыми, почтительными къ полковнику, но не признавать въ немъ инспектора, и Верецагинъ распинался въ увѣреніяхъ, что онъ дѣйствительно тотъ самый инспекторъ, которымъ былъ и до каникулъ.

Шенинъ, Александръ Ѳеодоровичъ, при мѣ носилъ еще званіе помощника инспектора классовъ, но въ дѣйствительности былъ инспекторомъ; его голосъ былъ рѣшающимъ на всѣхъ конференціяхъ, или комитетахъ, собиравшихся въ корпусѣ, и по всѣмъ предметамъ: по класснымъ занятіямъ, по физическому воспитанію кадетъ, по хозяйственнымъ дѣламъ, даже по фронтovýmъ занятіямъ. Шенинъ первый понялъ восходящую звѣзду въ Ростовцевѣ и умѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ. Когда всѣ корпусные чины заискивали расположенія Ростовцева, послѣдній съ своей стороны заискивалъ въ Шенинѣ. Кадеты подмѣчали, что Ростовцевъ, пріѣзжая въ корпусъ, часто говорилъ о такихъ предметахъ, близкихъ къ осуществленію, но необходимости которыхъ Шенинъ говорилъ съ кадетами недѣли за двѣ до того. Впослѣдствіи Шенинъ былъ инспекторомъ классовъ въ Павловскомъ корпусѣ и руководителемъ инспекторовъ въ другихъ корпусахъ, былъ главнымъ редакторомъ энциклопедическаго лексикона, кажется, Плюшаровскаго изданія, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, и кончилъ свое

поприще въ домѣ умалишенныхъ на петергофской дорогѣ. Ростовцевъ призналъ Шенина сумасшедшимъ, чтобы спасти его отъ позорнаго суда за его отвратительно развратное поведеніе со смазливенькими кадетами, родители которыхъ подали жалобу великому князю.

Директоръ корпуса, Карлъ Федоровичъ Клингенбергъ, представлялъ примѣръ неутомимой дѣятельности и заботливости о вѣренной ему части. Дѣятельность его особенно рѣзко выставлялась въ сравненіи съ лѣнливымъ, беззаботнымъ предшественникомъ его, Арсеньевымъ. Клингенбергъ скоро узналъ по именамъ всѣхъ офицеровъ, чиновниковъ, учителей, всѣхъ кадетъ, барабанщиковъ, служителей, всѣхъ женъ и дѣтей, жившихъ въ корпусномъ зданіи. Всякій день обходилъ онъ всѣ уголки корпуса, всюду самъ являлся во всякое время дня и ночи; ничто не укрывалось отъ его глазъ, никто не зналъ, когда онъ спитъ. О дѣятельности его скоро заговорили въ Петербургѣ въ разныхъ слояхъ общества. Онъ вполнѣ заслуживалъ уваженіе всѣхъ, сколько нибудь знавшихъ его, и немудрено, что когда праздновался 50-ти-лѣтній юбилей его службы въ кадетскихъ корпусахъ, кажется, въ 1839 году, то въ праздникѣ, вмѣстѣ съ высочайшими особами, приняли участіе многіе изъ тогдашней петербургской знати. Помню стихъ, пропѣтый въ тотъ день за обѣдомъ:

Не дажъ Богъ тебѣ карать,
Злыхъ враговъ Руси и трона,
Въ думахъ царскихъ засѣдать,
Иль держать вѣсы закона.
Ты вѣнокъ другой свивалъ,
Съ сердцемъ молодецкимъ,
И до чести той дожилъ,
Жезлъ фельдмаршальскій сдружилъ
Съ тесакомъ кадетскимъ.

Фельдмаршалъ князь Паскевичъ былъ пажемъ, когда Клингенбергъ былъ ротнымъ офицеромъ въ Пажескомъ корпусѣ.

Но все-таки кадеты не любили Клингенберга, во-первыхъ, за то, что онъ видимо болѣе благоволилъ къ кадетамъ изъ нѣмцевъ, чѣмъ къ русскимъ, и во-вторыхъ, за рѣзкій, грубоватый разговоръ съ кадетами; онъ каждого называлъ „проклятымъ“. Выговоръ или замѣчаніе, похвалу или ласку, онъ всегда начиналъ словами: „ахъ ты проклятый“. Клингенбергъ не былъ достаточно образованъ для того, чтобы быть директоромъ учебнаго заведенія; но если бы для него можно было создать должность оберъ или генералъ-полиціймейстера всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, или если бы его сдѣлали главнымъ инспекторомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, въ смыслѣ прежнихъ университетскихъ инспекторовъ, которые не отвѣчали за учебную часть, — то Клингенбергъ былъ бы на своемъ мѣстѣ.

Главный директоръ корпусовъ, Николай Ивановичъ Демидовъ, былъ дѣйствительнымъ чудакомъ, или представлялся таковымъ. „При-

чуды и предразсудки его были извѣстны не только всѣмъ корпусамъ, но, кажется, и всему Петербургу. Онъ имѣлъ особый взглядъ на воспитаніе дѣтей, хотѣлъ дѣйствовать на массу юныхъ головъ одною силою своего слова, и потому, при каждомъ пріѣздѣ въ корпусъ,—что случалось очень часто,—онъ собиралъ всѣхъ кадетъ вокругъ себя и, болѣе часа громко и протяжно говоря рѣчи, страшно надоѣдалъ всѣмъ. Демидовъ, обыкновенно одинъ, стоялъ въ срединѣ кадетскаго кружка и безпрестанно обращался лицомъ то въ ту, то въ другую сторону; корпусное начальство стояло позади кадетъ. Тѣ кадеты, къ которымъ Демидовъ временно былъ обращенъ спиною, пользуясь этою минутой, дѣлали гримасы, изображали самого оратора и тѣмъ смѣшили тѣхъ кадетъ, которые были обращены лицомъ къ Демидову; этимъ кадетамъ было невыносимо смѣшно, но смѣяться было страшно: Демидовъ не только за смѣхъ, но и за улыбку въ подобныхъ случаяхъ сѣкъ, и сѣкъ больно. Но случалось, что иногда цѣлая сотня кадетъ, долго сдерживаясь, разражалась громкимъ хохотомъ, и тогда ораторъ, среди проповѣди своей, самъ улыбался.

До классныхъ занятій и вообще до учебной части Демидовъ вовсе не касался; онъ прежде всего требовалъ, чтобы кадеты благочинно и внимательно стояли въ церкви; частыми вопросами повѣрялъ, слушали ли кадеты евангеліе, читанное въ церкви, и требовалъ объясненія слуханнаго. Затѣмъ, Демидовъ внимательно слѣдилъ за опрятностію одежды кадетъ, особенно на улицахъ, за исправнымъ отданіемъ чести при встрѣчѣ съ офицерами и повѣрялъ успѣхи фронтоваго обученія. Но вообще должность главнаго директора, при главномъ начальникѣ великомъ князѣ и при Ростовцевѣ,—скоро сдѣлалась безцѣтною. Должность эта еще болѣе потеряла значеніе въ глазахъ кадетъ, когда Демидовъ былъ замѣненъ Сухозанетомъ, безногимъ, извѣстнымъ у кадетъ подъ именемъ хромого.

Я уже былъ въ старшихъ классахъ, когда Сухозанетъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ корпусовъ, и хорошо помню наизусть одно мѣсто изъ перваго его приказа: „Вышедъ изъ среды вашей и пройдя бурное поприще военной службы, я возвращаюсь къ вамъ, юные питомцы, хотя изувѣченнымъ, но счастливымъ воиномъ, какъ бы для того, чтобы служить вамъ живымъ примѣромъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“. Къ кадетамъ Сухозанетъ не имѣлъ почти никакого отношенія и очень рѣдко посѣщалъ корпусъ, но онъ презрительно относился къ корпуснымъ офицерамъ и послѣдніе поселяли въ кадетамъ нерасположеніе къ Сухозанету. Помню, что между кадетами ходилъ листокъ какой-то французской газеты, гдѣ, послѣ извѣщенія о назначеніи Сухозанета главнымъ директоромъ кадетскихъ корпусовъ, поставлена была звѣздочка, и въ выносѣ говорилось, что Сухозанетъ извѣстнымъ ему манеромъ сорвалъ французскій бантъ. Тогда въ Парижѣ существовалъ публичный банкъ, называвшійся французскимъ, кажется, даже королевскимъ, и

разсказывали, что Сухозанетъ поставилъ на карту три пачки золота въ обложкахъ; банкометъ спросилъ, что онъ ставить? Сухозанетъ отвѣтилъ: „кушъ на столъ подъ картой“. Карта дана; Сухозанетъ загнулъ уголь; данъ и уголь; Сухозанетъ загнулъ на 6 кушей—даны и шесть кушей, Сухозанетъ гнетъ на 12 кушей—даны и 12. Сухозанетъ проситъ разсчета, а въ банкѣ лежала огромная груда золота; ему отвѣчаютъ, что на 12 кушей не стоитъ дѣлать разсчета, но Сухозанетъ настоялъ на разсчетѣ и, раскрывъ свои пачки, раскрылъ и обложки, которыя представляли банковые билеты на значительныя суммы, и банкъ былъ сорванъ. Неизбѣжныя коментаріи были тѣ, что если бы Сухозанетъ проигралъ свой кушъ, то, выложивъ золото на столъ, обложки взяли бы въ карманъ.

Навсегда останется памятнымъ для современныхъ мнѣ кадетъ Павловскаго кадетскаго корпуса первый приѣздъ въ корпусъ великаго князя Михаила Павловича. Самъ императоръ Николай I уже нѣсколько разъ бывалъ въ корпусѣ; кадеты уже бывали въ лагерѣ, уже чувствовали и понимали милости и ласки императора; но Николай I, являясь въ корпусъ, однимъ взглядомъ окидывалъ все и всѣхъ, мгновенно проходилъ по всѣмъ камерамъ, коридорамъ, классамъ, отхожимъ мѣстамъ, вскрывалъ кадетскія кровати, шкафики, просматривалъ тетради, ласкалъ кадетъ, дѣлалъ замѣчанія начальникамъ. Все это дѣлалось такъ быстро, что кадеты какъ бы не успѣвали опомниться. Великій же князь, приѣхавъ въ корпусъ не какъ главный начальникъ, но какъ отецъ, пробылъ въ корпусѣ нѣсколько часовъ, все осмотрѣлъ, вошелъ во все, обласкалъ всѣхъ и каждого, истинно очаровалъ кадетъ, и когда уѣхалъ, то у всѣхъ кадетъ были на глазахъ слезы умиленія. Эти слезы не были притворными: масса дѣтей, не на глазахъ начальника, немогла притворяться.

Дѣйствительно, великій князь Михаилъ Павловичъ смотрѣлъ на всѣхъ кадетъ какъ на своихъ дѣтей, и рѣдкій отецъ такъ много желалъ добра родному сыну, какъ великій князь желалъ добра каждому кадету. Къ несчастію, великій князь не могъ сосредоточить все свое вниманіе на кадетскихъ корпусахъ. Его высочество былъ обремененъ другими занятіями: онъ, вмѣстѣ со званіемъ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, былъ командиромъ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, генераль-фельдцейхмейстеромъ артиллеріи и генераль-инспекторомъ по инженерной части. Еще къ большому несчастію, помощники великаго князя искажали благія намѣренія и его высочества, и самого императора Николая I. Ближайшимъ помощникомъ великаго князя скоро сдѣлался Ростовцевъ. Онъ въ мое время былъ только что произведенъ въ полковники, носилъ званіе адъютанта великаго князя и управлялъ канцелярією его высочества по званію главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, но уже и тогда все корпусное начальство преклонялось передъ Ростовцевымъ, и когда онъ приѣзжалъ въ корпусъ одинъ, безъ великаго князя, то его встрѣчали

такъ же, какъ и самого великаго князя. Уже и тогда не казалось страннымъ, что офицеръ помогаль Ростовцеву надѣть шинель, или даже подавалъ ее.

Въ то время сохранилось только прежнее распредѣленіе классныхъ занятій, дневная же жизнь кадетъ и вся наружная обстановка совершенно измѣнились.

Утромъ на завтракъ, вмѣсто ломтя черстваго хлѣба, куска соли и ковша тухлой воды, стали давать каждому кадету по бѣлой булкѣ и по кружкѣ сбитню, для чего весь корпусъ собирали въ столовую; полудники отмѣнены; обѣдъ давался ровно въ часъ дня, а ужинъ въ половинѣ 9-го часа; пища за обѣдомъ и ужиномъ была улучшена, а столовое бѣлье и столовая посуда возобновлены. Бѣлье на кадетяхъ стали мѣнять два раза въ недѣлю; бѣлье было всегда исправно и гораздо тоньше, чѣмъ прежде. Въ баню водили каждую недѣлю,—сыпи и особенно часотка стали рѣдкимъ явленіемъ. Постельное бѣлье, одѣяла, тюфяки—возобновлены, подъ постелями нельзя уже было положить ни одного лоскутка бумаги. Для учебныхъ принадлежностей и другихъ вещей, на каждыхъ двухъ кадетъ дали шкафчикъ или комодикъ, стоявшій между двумя кроватями. Обязательно было для кадетъ вычистить себѣ утромъ сапоги и пуговицы и въ случаѣ нужды пришить пуговицу или крючекъ, но другая починка платья, починка бѣлья и сапогъ, мытье бѣлья и бѣленіе амуниціи были запрещены. Каждый кадетъ имѣлъ двѣ смѣны платья, старую и новую, каждый имѣлъ казенную шинель, наушники, рукавицы и проч. Въ камерахъ и коридорахъ стало чисто, тепло, свѣтло; сальныя свѣчи замѣнились лампами, даже появились паркеты; умножено число рукомойниковъ и доставлены всѣ удобства для мытья. Въ классахъ не было ни въ чемъ недостатка: бумаги, перьевъ, карандашей, давали сколько нужно; послѣобѣденные торги уничтожены; строго слѣдили за чистотою въ комнатахъ, за чистотою и опрятностью самихъ кадетъ, за прическою ихъ волосъ; появились въ камерахъ зеркала; стали учить кадетъ танцевать, дѣлать поклоны, привѣтливо смотрѣть въ глаза начальнику, требовали вѣжливости не только въ обращеніи съ офицерами, но и младшихъ кадетъ со старшими, отчего значеніе унтеръ-офицеровъ возвысилось; введены гимнастическія упражненія и усилено фронтное ученіе, что вмѣстѣ съ танцами сдѣлало кадетъ развязнѣе. Каждую субботу великій князь бралъ къ себѣ во дворецъ нѣсколькихъ кадетъ на обѣдъ и на вечеръ; по воскресеньямъ наряжали также кадетъ къ большому двору для игръ вмѣстѣ съ цесаревичемъ, покойнымъ императоромъ Александромъ II.

Все это вмѣстѣ должно было облагородить кадетъ и возвысить нравственную сторону воспитанія. Но къ несчастію, этого-то послѣдняго и не было; напротивъ—поселился обманъ, наружный лоскъ при внутренней пустотѣ, при внутренней неправдѣ, и этотъ обманъ укоренялся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

Объясню это подробнѣе. Усиленные фронтовя занятія отнимали у кадетъ время для приготовленія уроковъ. Фронтвое ученіе продолжалось ежедневно около двухъ часовъ, съ 11 часовъ утра до часу дня. Послѣ обѣда, отъ исхода втораго часа до 3-хъ часовъ, т. е. до вечернихъ классовъ, кадеты надѣвали новое платье. Корпусному начальству было извѣстно, что государь и великій князь могли посѣтить корпусъ только въ эти часы дня, и къ этому времени кадеты ежедневно наряжались въ новое платье. Въ новомъ платьѣ, застегнутые, причесанные, примазанные, въ ежеминутномъ ожиданіи кого-нибудь, кадеты, конечно, не могли готовить уроки, а между тѣмъ хорошо сознавали, что новое платье хранится у нихъ собственно для того, чтобы показаться высочайшимъ особамъ, въ остальное же время дня платье на кадетахъ было не въ лучшемъ видѣ, какъ и въ старое время. Весеннія ученія производились два раза въ день, послѣ утреннихъ и послѣ вечернихъ классовъ; усталый кадетъ уже не имѣлъ физической возможности готовить уроки къ слѣдующему дню. Передъ парадами же или смотрами, классы прекращались на нѣсколько дней; въ эти дни производились усиленные фронтовя репетиціи и кадеты готовились, чистились къ параду. И тогда чистка всей мѣдной принадлежности обмундированія и снаряженія, чистка ружей и бѣленіе этишкетовъ къ киверамъ, относились къ личной обязанности кадетъ. Даже постройка мундировъ или куртокъ считалась выше классныхъ занятій. При каждой постройкѣ нѣсколько разъ требовали кадетъ въ швальню для примѣрки платья: съ фронтоваго ученія нельзя было взять кадета въ швальню, а изъ класса можно было.

Унтеръ-офицеры, воспитанники старшихъ классовъ, днемъ почти не имѣли времени готовить уроки; желающіе могли заниматься только ночью. Унтеръ-офицеры стали отвѣтственными за кадетъ своихъ отдѣленій, т. е. унтеръ-офицеры отвѣчали за опрятность кадетъ, за прическу, за привѣтливый взглядъ, за опрятность постелей и шкафиковъ, за чистоту въ камерахъ, за первоначальное одиночное обученіе по фронту, за первоначальные успѣхи въ гимнастикѣ и танцахъ, за чистоту и исправность всей аммуниціи при выходѣ на парады и смотры.

Успѣхъ по фронту и ловкое дѣланіе ружейныхъ приемовъ стали брать верхъ надъ успѣхами классныхъ занятій; ловкій ординарецъ цѣнился корпуснымъ начальствомъ гораздо дороже лучшаго ученика въ классѣ.

Зло быстро возрастало. Лучшимъ кадетомъ считался уже не тотъ скромный мальчикъ, который хорошо учился и который кротко, тихо, но свято исполнялъ все то, что требовалось по корпуснымъ правиламъ, а такой кадетъ, который хотя и не хорошо учился, который хотя и пошаливалъ, но который въ глазахъ начальства былъ привѣтливъ, боекъ, ловокъ, притомъ пригожъ собою. Кадеты скоро потеряли вѣру въ аттестацію начальства.

Ко двору великаго князя и на игры цесаревича стали посылать не достойнѣйшихъ кадетъ, а смазливыхъ и ловкихъ. Одно время ходила молва, что великій князь и самъ государь замѣтили обманъ въ нарядѣ кадетъ ко двору, — не знаю, справедливо ли это, но помню, что одно время требовались къ обѣду великаго князя лучшіе ученики по класснымъ спискамъ. Также помню, что во время этихъ толковъ государь самъ, послѣ развода, назначалъ кадетъ для игръ съ наслѣдникомъ и назначалъ не тѣхъ, у которыхъ глаза горѣли, а тѣхъ, которые смотрѣли поскромнѣе.

Самые экзамены въ старое время производились не шумно, безъ церемоніи, при сальныхъ свѣчахъ, но правдиво, и кадеты сами впередъ опредѣляли, кто будетъ первымъ, вторымъ, третьимъ и т. д. ученикомъ въ классѣ, и никогда не ошибались. А въ описываемое время экзаменамъ придано пышное значеніе; директоръ Клингенбергъ постоянно присутствовалъ на нихъ и только портилъ дѣло. Не зная вовсе, или совершенно забывъ тотъ предметъ, въ которомъ экзаменовались кадеты, директоръ хвалилъ не того, кто отвѣчалъ спокойно, но дѣльно, а того, кто говорилъ бойко, хотя и совершенный вздоръ. Высшій или низшій номеръ въ классѣ сталъ зависѣть не отъ дѣйствительныхъ успѣховъ, а отъ произвола экзаменаторовъ. А если на экзаменъ ожидали великаго князя, или кого либо изъ петербургскихъ знаменитостей, то наканунѣ пріѣзжалъ Ростовцевъ, подъ предлогомъ устроить порядокъ, церемонію экзамена, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать репетицію экзамена, т. е. дать кадетамъ именно тѣ вопросы, на которые они же будутъ завтра отвѣчать при постороннихъ свидѣтеляхъ. Этотъ обманъ сдѣлался обыкновеннымъ, и законоучитель священникъ Лавровъ былъ руководителемъ такихъ продѣлокъ.

Кажется, съ 1828 года, а можетъ быть съ 1827 года, кадеты стали ходить въ лагерь.

Въ мое время кадеты любили лагерное время и съ нетерпѣніемъ ждали его. Ихъ восхищало то, что они почти ежедневно видѣли государя и всѣхъ особъ императорской фамиліи; что ихъ пускали гулять въ сады, даже въ Александрію; восхищали ежегодные большіе обѣды во дворцѣ, лазаніе на петергофскіе каскады, тревоги, маневры, ежедневные обѣды на открытомъ воздухѣ, купанья въ Финскомъ заливѣ. Кадеты хохотали отъ души, когда палатки пробивались насквозь сильнымъ дождемъ, а въ тѣхъ палаткахъ, которыя для предохраненія отъ дождя изнутри обшивались клеенкою, или другою непромокаемою матеріею, умышленно дѣлали разрѣзы при наступленіи дождя. Лагерная жизнь была привольнѣе камерной: дозволялось больше спать, не требовалось той чистоты въ палаткахъ и на лагерныхъ линейкахъ, какая надобдала въ камерахъ; учебныхъ занятій не было никакихъ; самыя фронтовые ученія были легче, чѣмъ передъ лагерными смотрами и парадами; лагерные разводы и аванпостныя ученія болѣе занимали, чѣмъ утомляли кадетъ; упражненія въ топографической

съемкѣ также очень интересовали кадетъ старшихъ классовъ. Главнымъ начальникомъ лагеря назначался посторонній генералъ, не свой директоръ, и кадеты радовались, что хотя на короткое время избавлялись отъ вездѣсущаго Клингенберга, непрерывно торчащаго передъ ихъ глазами. Да и вліяніе Ростовцева на лагерную жизнь было благотворнѣе, чѣмъ на корпусную въ четырехъ стѣнахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что корпусные офицеры были гораздо ближе къ кадетамъ, чѣмъ учителя въ классахъ; корпусные офицеры, и въ камерахъ и въ лагерѣ, всегда были при кадетяхъ; они были собственно воспитателями, но у кадетъ въ мое время сердце склонялось болѣе на сторону учителей, чѣмъ на сторону офицеровъ; учителями кадеты болѣе интересовались, чѣмъ офицерами, и я, даже за послѣдніе годы пребыванія въ корпусѣ, мало помню офицеровъ, а учителей помню всѣхъ. Изъ корпусныхъ офицеровъ останавлиюсь на немногихъ: о В. Л. Вишняковѣ и Л. М. Павловскомъ я уже говорилъ; затѣмъ ротнымъ командиромъ моимъ, въ гренадерской ротѣ, былъ капитанъ Софіенко-Сухомлиновъ; чѣмъ онъ кончилъ свое поприще—не знаю, но будучи ротнымъ командиромъ, не отличался особою ретивостью; былъ честный, правдивый человекъ, былъ любимъ и уважаемъ кадетами. Капитанъ Шумилинъ, добрякъ, и шумилъ по фамиліи. По переводѣ меня унтеръ-офицеромъ во 2-ю роту, ротнымъ командиромъ, послѣ В. А. Вишнякова, былъ капитанъ Дмоховскій; онъ былъ вѣжливъ, но постоянно имѣлъ наушниковъ; кадеты знали этихъ лицъ изъ среды своей и не могли уважать ротнаго командира. Но зато въ той же ротѣ былъ прекрасный молодой офицеръ—Петръ Ивановичъ Грязновъ, поступившій впослѣдствіи студентомъ въ Медико-хирургическую академію.

Важнѣйшими учебными предметами тогда считались: математика, физика и химія, артиллерія, фортификація и русская словесность.

Учителями математики были Виндеревъ и Кушакевичъ, друзья между собою; они вмѣстѣ перевели на русскій языкъ курсъ математики Белявена. Кушакевичъ, приставленный учителемъ математики къ цесаревичу, какъ-то легко относился къ обязанностямъ своимъ въ корпусѣ, часто опаздывалъ въ классъ, читалъ лѣнливо, очень мало спрашивалъ или повѣрялъ кадетъ въ ихъ знаніи и балы ставилъ по вдохновенію. Александръ Семеновичъ Виндеревъ, небольшого роста, толстый, въ очкахъ, говорилъ басомъ, былъ проникнутъ желаніемъ научить кадетъ, не красовался въ чтеніи, но говорилъ толково, вразумительно; при спросѣ кадетъ всегда шутилъ, говорилъ остроты, вообще былъ любимъ и уважаемъ.

Физику и химію преподавалъ Александръ Петровичъ Максимовичъ, впослѣдствіи инспекторъ Технологическаго института; онъ страстно любилъ и кадетъ, и науку; испрашивая разрѣшеніе, часто читалъ лекціи не въ урочный часъ, по вечерамъ, и кадеты охотно ужъ не сходились къ нему, а прямо сбѣгались. Максимовичъ и читалъ

отлично—громкимъ, звучнымъ голосомъ, и записки его были кратки, вразумительны; онъ умѣлъ и освѣжить бодрость усталыхъ кадетъ, рассказавъ какой-нибудь забавный анекдотъ. Спусти много лѣтъ по выходѣ изъ корпуса, о немъ часто вспоминали съ особымъ удовольствіемъ.

Учителемъ артиллеріи былъ генералъ-маіоръ, впоследствии генералъ отъ артиллеріи, Алексѣй Васильевичъ Дядинъ. Его чинъ и наружный видъ вселяли уваженіе. Онъ лекцій почти не читалъ, но давалъ превосходныя записки, четко написанныя. Листки его записокъ для Павловскаго корпуса, какъ говорилъ самъ Дядинъ, переписывала дочь его, тогда дѣвица, а потомъ жена генералъ-лейтенанта Роде; она, по словамъ отца, знала артиллерію не хуже его самого и изучила полный курсъ математика съ дифференціалами и интегралами. Дядинъ являлся въ классъ всегда аккуратно и большую часть своего времени въ классѣ проводилъ въ спрашиваніи кадетъ, которые усердно готовились къ его урокамъ. Надъ незнающими урокъ онъ такъ мило и забавно острилъ, что смѣшили весь классъ, а самъ оставался всегда серьезнымъ.

Фортификацію долго читалъ Шенинъ, а въ послѣдній годъ моего пребыванія въ корпусѣ, — поступилъ молодой, прелестный военный инженеръ-поручикъ, Аркадій Захарьевичъ Теляковский, нынѣ маститый старецъ, инженеръ-генералъ-лейтенантъ. Эту милую, превосходную личность кадеты просто обожали. Онъ прекрасно говорилъ нѣжнымъ, звонкимъ голоскомъ, его слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ бы боясь проронить слово, а чертилъ онъ на классной доскѣ такъ отчетливо, такъ хорошо, что у кадетъ не поднималась рука стереть его рисунокъ къ приходу другаго учителя.

Учителями русской словесности были: Плетневъ, впоследствии ректоръ петербургскаго университета, а послѣ Плетнева Талызинъ. Этими личностями корпусъ безспорно гордился, но эти знаменитости не приносили кадетамъ никакой пользы. Плетневъ всегда запаздывалъ въ классъ по меньшей мѣрѣ на $\frac{1}{2}$ часа и, войдя, почти не поздоровавшись съ кадетами, ходилъ изъ угла въ уголъ, поглядывая на часы. Минутъ за 10 до звонка, Плетневъ читалъ отрывокъ изъ какого-нибудь сочиненія и по звонку, мимоходомъ, давалъ листокъ, сказавъ: „прочтите это къ слѣдующему моему приходу“. А Талызинъ весь классъ проводилъ въ чтеніи какого-нибудь литературнаго сочиненія, но читалъ такимъ плаксивымъ тономъ и такъ протяжно, что почти весь классъ засыпалъ; самые прилежные ученики, съ помощію табака, едва удерживались отъ сна.

Затѣмъ, по значенію своему въ корпусѣ, шли слѣдующіе предметы: исторія всеобщая и русская; географія политическая, физическая и математическая; статистика Европы и Россіи; тактика и стратегія; военное судопроизводство; французскій и нѣмецкій языки, черченіе и рисованіе.

О преподаваніи Закона Божьяго, тактики и стратегіи уже было говорено.

Учителемъ исторіи былъ Г. Вознесенскій, составитель учебника по исторіи; онъ былъ очень внимателенъ и старателенъ, но читалъ тихо, вяло. Потомъ, когда я уже оканчивалъ курсъ, поступилъ молодой, энергичный А. А. Краевскій, нынѣ редакторъ-издатель газеты „Голосъ“. Онъ и читалъ лекціи, и велъ обыкновенный разговоръ всегда съ жаромъ, увлекательно, да и всѣ движенія его отличались быстротою.

Географію и статистику преподавалъ г. Хитрово, по старой методѣ, давая урокъ отъ такой-то до такой-то страницы.

Французскій языкъ преподавалъ полковникъ Вранкенъ, служившій, кажется, по горному вѣдомству, а нѣмецкій языкъ—полковникъ Бриммеръ, бывшій ротный командиръ въ Военно-сиротскомъ домѣ. Оба преподавали по-тогдашнему: перевести такую-то страницу, выучить фразы съ такой-то страницы.

Военное судопроизводство преподавалъ аудиторъ Казанскій; онъ требовалъ, чтобы кадеты каждый отвѣтъ начинали словами: „Петръ Великій, изданіемъ Воинскаго Устава и Генеральнаго Регламента, положилъ твердое основаніе военному и гражданскому судопроизводству“.

По математикѣ кадеты сами должны были составлять записки; по всѣмъ остальнымъ предметамъ учителя давали записки въ одномъ экземпляръ—ихъ слѣдовало переписать. Это, конечно, облегчало повтореніе, но отнимало много времени для переписки, а во времени-то кадеты тогда болѣе всего нуждались.

Между кадетами развито было тогда поэтическое направленіе. Поэтому-то, можетъ быть, кадеты и недолгоблюдали Талызина и Плетнева. Талызинъ читалъ исключительно одну прозу, а Плетневъ изрѣдка читалъ отрывки изъ стихотвореній Державина, и еще рѣже—изъ фонъ-Визина, кадетамъ же хотѣлось слышать творенія Пушкина. Въ мое время, кадеты начинали заниматься или интересоваться стихами только съ 5-го курса, т. е. съ 3-го и 4-го верхнихъ классовъ, или съ выпускныхъ классовъ въ армейскіе офицеры и съ поступленія въ гренадерскую роту, и это занятіе продолжалось въ двухъ старшихъ курсахъ, или во 2-мъ и въ 1-мъ верхнихъ классахъ. Чтò болѣе запрещалось, то болѣе и интересовало: рукописные стихи, которыхъ не было въ печати, и всѣ думы Рылѣва. Стихи переписывались ночью, съ большою осторожностію, чтобы дежурный офицеръ не поймалъ. При перепискѣ стиховъ кадеты окружали себя учебными тетрадами, чтобы, слыша офицерскіе шаги, можно было моментально перейти къ учебникамъ; стихи писались какъ проза—въ строчку, и перемѣшивались математическими формулами; многіе изъ дежурныхъ офицеровъ, завидя математическія выкладки, не прикасались къ тетрадямъ. Особенно озабочивало кадетъ прятаніе стиховъ; верхъ печей былъ главнымъ убожищемъ; также пользовались наружною стороною дна шкафиковъ, къ которымъ подвѣшивались стихи на гвоздикахъ, и такъ

какъ шкафики были на ножкахъ, то это не представляло большого затрудненія, но все-таки главная масса стиховъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выносилась изъ корпуса. И это было не легко; при увольненіи изъ корпуса кадеты осматривались и подъ наблюдениемъ начальства направлялись къ выходнымъ дверямъ.

Коноводами стихотворнаго дѣла, въ мое время, были Семеновъ и Ершовъ; жалѣю, что не прослѣдилъ судьбу ихъ по выходѣ изъ корпуса. Они большую часть праздниковъ оставались въ корпусѣ и въ субботніе вечера, или днемъ въ воскресенье, собирали вокругъ себя новичковъ, любителей стиховъ, сами декламировали и учили декламации новичковъ; они поочередно становились на табуретъ или на столъ и въ присутствіи офицера декламировали стихи Державина и тѣ отрывки, которые какъ примѣры были напечатаны въ учебникахъ, а по уходѣ офицера декламировали рукописные стихи. Нѣкоторые изъ офицеровъ догадывались объ этой хитрости, но показывали видъ, что не замѣчали ее. Стихи Пушкина, „Горе отъ ума“ и думы Рылѣва обязательно было учить наизусть. Семеновъ и Ершовъ задавали на урокъ, что выучить къ слѣдующему воскресенью, и къ этимъ урокамъ, хотя и секретно, приготавливались усердно, да и опасно было не твердо выучить заданное: за ошибки сыпались злыя остроты и насмѣшки.

Кадеты сознавали, что дѣйствія Ростовцева были противоположны девизу герба, кажется, Перовскихъ: „не слыть, а быть“, что Ростовцевъ какъ бы вкоренялъ въ кадетахъ обратный девизъ: „не быть, а слыть“. Кадеты хорошо сознавали, что ни государь, ни великій князь, не могли войти въ сущность дѣла, и винили Ростовцева. Юныя головы, видя раболѣпство передъ Ростовцевымъ всего корпуснаго начальства, начиная съ директора, принимали Ростовцева за вельможу и примѣняли къ нему четырехстишіе Рылѣва:

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Но тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья“.

Слѣдуетъ однако отдать справедливость и Ростовцеву: оперившись и утвердившись на посту начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, онъ совершенно измѣнилъ свою воспитательную систему. Разсказы о Ростовцевѣ офицеровъ выпускъ самыхъ послѣднихъ тридцатыхъ годовъ и начала сороковыхъ были совсѣмъ не тѣ, что чувствовалось при мнѣ и говорилось офицерами выпускъ, непосредственно слѣдовавшихъ за мной. Шенину приписывалось благотворное вліяніе на Ростовцева: на экзаменахъ Ростовцевъ сталъ отличать дѣйствительное знаніе отъ болтовни; часто посѣщая корпусъ въ классное время, обходилъ классы, внимательно слушалъ и преподавателя, и отвѣты кадетъ, и дѣлалъ полезныя указанія; заботился о представленіи кадетамъ свободнаго времени для приготовленія уроковъ; строго добивался того, чтобы часы фронтowychъ ученій были умень-

шени; ординарцами къ великому князю и къ государю допускалъ только тогда, когда удостовѣрялся, что они въ то же время хорошо учились и хорошо вели себя; значительно улучшилъ составъ офицеровъ-воспитателей и проч.

V.

И этотъ отдѣлъ окончу повѣствованіемъ о самомъ себѣ, для лучшаго выясненія тогдашняго кадетскаго быта.

Въ августѣ 1831 года, 15-ти лѣтъ отъ роду, поступилъ я во 2-й верхній классъ, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ во 2-ю роту и съ назначеніемъ старшимъ унтеръ-офицеромъ въ 4-й камерѣ, а братъ мой былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, съ переводомъ въ ту же роту, но съ назначеніемъ младшимъ унтеръ-офицеромъ во 2-ю камеру. Мы перестали спать рядомъ, и хотя раздѣлены были всего двумя комнатами, но намъ казалось, что бездна раздѣляла насъ. Командиромъ роты былъ Вишняковъ, а моимъ отдѣленнымъ офицеромъ—Грязновъ. Оба меня любили и, по тогдашнимъ требованіямъ, я считался исправнымъ и строгимъ унтеръ-офицеромъ; въ мое отдѣленіе переводили шалуновъ изъ другихъ отдѣленій и даже изъ другихъ ротъ. Кадеты тогда читли унтеръ-офицера, какъ бы онъ ни былъ строгъ, если онъ самъ хорошо учился и могъ быть руководителемъ кадетъ по наукамъ. Днемъ занимаясь съ кадетами, самъ заниматься я могъ только ночью. Несмотря на то, что меня считали однимъ изъ исправнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ, я въ этомъ званіи былъ два раза штрафованъ.

Незадолго до великаго поста 1832 года, ко мнѣ въ отдѣленіе былъ переведенъ большой тогда шалунъ, кадетъ Лосевъ, котораго впоследствии я встрѣчалъ солиднымъ офицеромъ. Лосевъ былъ недоволенъ мною за то, что я, преслѣдуя его, предупреждалъ его шалости и, повѣряя его учебныя тетрадки, часто заставлялъ многое переписывать заново,—и придумалъ своеобразную месть: во время утренняго обхода камеръ директоромъ, незадолго до сбора въ классы, Лосевъ такъ ловко ударился о желѣзко кровати, что разсѣкъ себѣ губу; потекла кровь, губа моментально вздулась. Лосевъ, вымазавъ лицо своею кровью, съ жалобнымъ крикомъ побѣжалъ навстрѣчу директору. Клингенбергъ съ большимъ участіемъ спросилъ Лосева, что случилось? Тотъ отвѣчалъ, что я такъ сильно ударилъ его, что онъ упалъ и расшибся о кровать; Клингенбергъ, ни слова мнѣ не сказавъ, приказалъ ротному командиру посадить меня въ карцеръ, а Лосева отправить въ лазаретъ, что и было тотчасъ же исполнено. По уходѣ директора, Вишняковъ спросилъ кадетъ, какъ было дѣло, и всѣ единогласно отвѣчали, что я не только не ударилъ Лосева, но даже въ утро ни слова не говорилъ съ нимъ, что Лосевъ самъ, умышленно, ударился о кровать. Вишняковъ отправился въ лазаретъ, добился отъ

Лосева сознанія и доложилъ директору. Я былъ тотчасъ же освобожденъ и опоздалъ въ классъ не болѣе, какъ на одинъ часъ. Во время 10-ти-минутнаго перерыва классныхъ занятій, товарищи замѣтили мнѣ, что я былъ арестованъ за то, что оказался не нѣмцемъ, а русскимъ. И это имѣло основаніе: Клингенбергъ часто ходилъ въ церковь при сборѣ туда кадетъ, но стоялъ не долго, уходилъ и опять приходилъ къ концу службы. Случилось такъ, что когда я, въ томъ же великомъ посту, подходилъ къ святому причащенію, Клингенбергъ, схвативъ меня за руку, вытащилъ изъ шеренги въ тотъ моментъ, когда я былъ уже готовъ подойти къ чашѣ съ дарами, и сказалъ: „ты зачѣмъ здѣсь, вѣдь ты нѣмецъ“? На мой отвѣтъ, что я русскій, онъ опять втолкнулъ меня въ шеренгу, громко произнеся свою любимую фразу: „ахъ ты проклятый“. Даже младшіе кадеты замѣтили безтактность директора.

Тогда существовало строгое постановленіе: если высочайшая особа или кто либо изъ высокопоставленныхъ лицъ заговоритъ съ кадетомъ, гдѣ бы то ни было и о чемъ бы то ни было, то кадетъ, по возвращеніи въ роту, долженъ доложить о томъ своему ближайшему начальнику, который по командѣ доводилъ до свѣдѣнія высшаго корпуснаго начальства. Былъ такой случай: лѣтомъ, въ 1832 году, государь, какъ это часто бывало, пріѣхалъ въ кадетскій лагерь, часу въ 3-мъ дня; всѣ кадеты, мимо лагеря которыхъ проѣхалъ государь, бѣжали за коляской государя; въ концѣ лагеря государь остановился и спрашивалъ кадетъ, какое вечернее лагерное занятіе было назначено на тотъ день; кадеты разныхъ корпусовъ отвѣчали, у насъ будетъ то-то, а у насъ то-то. На рассказы кадетъ государь громко отвѣтилъ: „вы всѣ наврали мнѣ, у васъ будетъ совсѣмъ не то“—и приказалъ генералу, командовавшему кадетскимъ лагеремъ, всѣхъ кадетъ поголовно отпустить гулять во всѣ сады. Самые благонадежныя кадеты отпускались поодиночкѣ; большею же частью, для прогулокъ въ петергофскихъ садахъ, составлялись команды, или партіи, подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ; надъ нѣсколькими партіями назначался офицеръ. Я съ своею партіею, по общему желанію, направился прямо въ Александрію. Подходя къ Александріи, мы были застигнуты небольшимъ дождемъ и слышали голосъ государя, нагѣвавшаго маршъ тихаго шага. Подойдя ко дворцу, мы увидѣли государя, державшаго за руки двухъ великихъ князей—Марію Николаевну и Ольгу Николаевну и маршировавшаго съ ними; нѣсколько партій пажей, артиллеристовъ и 1-го кадетскаго корпуса уже стояли у дворца, а много партій разныхъ корпусовъ подошли послѣ меня. Государь и великія княжны вошли во дворецъ и очень скоро великія княжны вышли къ кадетамъ, держа въ своихъ ручкахъ небольшіе подносы съ конфетами. Великія княжны предлагали кадетамъ брать конфеты. Кадеты церемонились; наконецъ, пажи подошли первыми, и какъ только коснулись подносовъ, вся толпа кадетъ разомъ бросилась къ

подносамъ. Великія княжны уронили подносы и сами убѣжали во дворецъ, а между кадетами завязалась борьба изъ-за конфетъ, разсыпавшихся на песчаныхъ дорожки; десятки кадетъ падали и пачкались въ песокъ, пристававшимъ къ мокрому платью; конфеты были раздавлены подъ ногами, но и раздавленные конфеты кадеты оспаривали одинъ у другаго и увлеклись этимъ до того, что не замѣтили государя и императрицу, стоявшихъ на крыльцѣ, смотрѣвшихъ на всю эту сцену и смѣявшихся отъ души. Вскорѣ раздался громкій голосъ государя: „Смирно!“. Кадеты встрепнулись. Государь отрывисто сказалъ: „хорошо молодцы“. Кадеты восторженно прокричали: „рады стараться, ваше императорское величество!“. Вслѣдъ за тѣмъ два лакея вынесли конфеты на огромныхъ подносахъ; конфеты вновь были опрокинуты на землю, но подносы уцѣлѣли въ рукахъ лакеевъ. Возвратясь въ лагерь, я рассчитывалъ, что такъ какъ ни къ кому изъ кадетъ, бывшихъ въ моей партіи, ни государь, ни великія княжны не обратились ни съ однимъ словомъ, то и не было надобности доносить о происшедшемъ своему начальству; пажи же донесли. Главный директоръ, Демидовъ, узнавъ, что были кадеты и другихъ корпусовъ, приказалъ всѣхъ старшихъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ въ Александріи, поставить на часы въ ранцахъ, и я простоялъ два часа за рядоваго у палатки баталіоннаго командира.

Въ августѣ 1832 года, я былъ переведенъ въ послѣдній 1-й верхній классъ вторымъ ученикомъ. Меня назначали фельдфебелемъ, но такъ какъ брата не удостоивали въ это званіе, то я упросилъ баталіоннаго командира Главацкаго, чтобы и меня оставили унтеръ-офицеромъ въ той же ротѣ. Такъ и сдѣлали, и брата назначили старшимъ унтеръ-офицеромъ въ той же 2-й ротѣ, ротнымъ командиромъ которой былъ уже Дмоховскій. Служебныя занятія въ ротѣ были тѣ же, что и въ предыдущемъ году, но классныя занятія усилились; я вставалъ уже не въ 4-мъ часу утра, а болѣею частью во 2-мъ. На мнѣ лежала забота не только самому готовить уроки, но и другимъ помогать; я былъ какъ бы репетиторомъ по математическимъ предметамъ; предъ экзаменами, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, ко мнѣ въ камеру, по ночамъ, собирался весь или почти весь 1-й верхній классъ. Это время памятно мнѣ: оно изъ лучшихъ въ жизни моей; кадеты чрезвычайно любили меня, все корпусное начальство знало это, и многіе изъ офицеровъ, въ видѣ исключенія, обращались ко мнѣ не по фамиліи, а по имени и отчеству. Привожу эти слова не для того, чтобы самому похвалиться: они необходимы для уясненія послѣдующихъ корпусныхъ событій.

Мнѣ только что минуло 17 лѣтъ въ іюнѣ 1833 года, когда я выдержалъ послѣдній выпускной экзаменъ. Нашъ выпускной экзаменъ начался математикой и шелъ очень дурно: половина класса имѣла неудовлетворительные баллы. При 12-ти бальной системѣ, многіе имѣли 3, 2 и даже 1 баллъ и при всевозможномъ снисхожденіи имъ нельзя

было прибавить ни одного балла. Директоръ Клингенбергъ шумѣлъ и прекратилъ экзаменъ, а Шенинъ объявилъ, что онъ настоятъ на томъ, что директоръ будетъ просить великаго князя, чтобы весь классъ былъ оставленъ въ корпусѣ на лишній годъ. Тогда классъ рѣшилъ просить прощенія у директора, просить, чтобы экзаменъ по математикѣ былъ назначенъ во второй разъ, по окончаніи всѣхъ прочихъ экзаменовъ, и выбрали изъ класса депутацію, въ числѣ двухъ человекъ. Выборъ палъ на меня, какъ на такого ученика, котораго лично директоръ не могъ укорять, и на представителя по другой части, т. е. на фельдфебеля гренадерской роты, Гудиму, нынѣ кievскаго коменданта. Просить прямо директора не было нарушеніемъ дисциплины; ротные и баталіонныя командиры хотя и не касались классовыхъ дѣлъ, но были предупреждены, а надъ Шенинымъ директоръ былъ непосредственный начальникъ. Клингенбергъ очень ласково принялъ насъ, выслушалъ, обѣщалъ исполнить нашу просьбу и дѣйствительно исполнилъ. На другой день Шенинъ, войдя въ классъ, обратился ко мнѣ и къ Гудимѣ съ двусмысленными словами: „вы ходили жаловаться директору, жаловаться на меня,—хорошо, хорошо, можетъ, быть и раскаетесь, да будетъ поздно“.

Зловѣщія слова Шенина стали оправдываться. Вышло ностановленіе, объявленное по всѣмъ классамъ, чтобы на экзаменахъ никому, и при самыхъ лучшихъ отвѣтахъ, не прибавлять болѣе 3-хъ балловъ.

Къ экзамену во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ учителя этихъ языковъ, полковники Вранкенъ и Бриммеръ, поставили мнѣ по три балла, тогда какъ я втеченіе двухъ лѣтъ ни разу не получалъ отъ нихъ менѣе 9, а иногда получалъ 10 и даже 10^{1/2}. Вліяніе Шенина было въ этомъ случаѣ по сердцу учителямъ; у каждаго изъ нихъ было по сыну въ одномъ со мною классѣ, притомъ оба сына, особенно Вранкенъ, конкурировали со мной изъ-за номера въ классѣ. На экзаменѣ Клингенбергъ прибавилъ мнѣ по 3 балла, но, имѣя въ двухъ предметахъ по 6 балловъ, я сталъ вторымъ ученикомъ въ классѣ, а Вранкенъ первымъ.

Шенинъ настоялъ на томъ, чтобы рѣшеніе конференціи не объявлять до конца лагеря, что было выгодно и для баталіоннаго командира въ томъ отношеніи, что до объявленія выпускныхъ всѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеры оставались въ строю, безъ всякой перемѣны.

Въ августѣ, при началѣ новаго курса, объявили выпускныхъ; я и Гудима были оставлены на лишній годъ въ корпусѣ по молодости, хотя Гудимѣ минуло уже 18 лѣтъ. Мы вновь стали ходить въ классъ, какъ вдругъ получено было приказаніе главнаго директора, Сухозанета, чтобы выпускные артиллерійскаго класса посланы были на Волково поле для присутствованія при артиллерійскихъ опытахъ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть стрѣльбу изъ мортиръ, и я, пользуясь походомъ директора по камерамъ, просилъ его отпустить и меня на эти опыты, сказавъ, что по классамъ въ одинъ день я ничего не поте-

ряю, а видѣть опыты для меня будетъ полезно. Клингенбергъ охотно исполнилъ мою просьбу. Помню, что день былъ пасмурный, моросилъ дождь; мы рано пришли на Волково поле и долго ожидали Сухозанета. Наконецъ, онъ пріѣхалъ и спросилъ, кто первый ученикъ по артиллеріи. Дядинъ указалъ на меня. Сухозанетъ посадилъ меня въ свою коляску и во все время опытовъ бесѣдовалъ со мной или, вѣрнѣе, экзаменовалъ меня, былъ доволенъ моими отвѣтами и въ заключеніе спросилъ, куда я желаю быть произведеннымъ въ офицеры? Я отвѣчалъ сначала уклончиво, а потомъ высказалъ все. Сухозанетъ сказалъ мнѣ, что такихъ учениковъ, какъ я, не выпускаютъ: они сами выходятъ въ офицеры,—выпускаютъ посредственность, а дурныхъ выгоняютъ изъ корпуса. Вечеромъ въ тотъ день получено было приказаніе отъ Сухозанета, чтобы я назначенъ былъ къ выпуску, а Гудима остался въ корпусѣ. Интрига Шенина относительно меня не удалась.

Спустя мѣсяцъ, получено было указаніе для распредѣленія выпускныхъ по войскамъ, при чемъ изъ артиллерійскаго класса разрѣшено было двухъ лучшихъ назначить въ гвардію, а остальнымъ, по желанію самихъ кадетъ, записываться въ артиллерійскія бригады или саперные баталіоны. Въ составившейся конференціи Шенинъ убѣдилъ всѣхъ, что первый ученикъ, унтеръ-офицеръ Вранкенъ, безусловно долженъ быть назначенъ въ гвардію, но, отдавъ предпочтеніе класснымъ успѣхамъ, слѣдуетъ не забывать и другую воспитательную сторону, т. е. вторымъ въ гвардію назначить того изъ фельдфебелей, чей номеръ въ классѣ выше, хотя бы этотъ фельдфебель по общему классному списку стоялъ и ниже многихъ унтеръ-офицеровъ. Такъ и было сдѣлано; въ гвардію назначили унтеръ-офицера Вранкена и фельдфебеля Кульмана, который по общему классному списку стоялъ пятымъ, а я съ братомъ и Дроздовскимъ записались въ гренадерскій саперный баталіонъ.

Вскорѣ получено было новое предписаніе, чтобы въ корпусѣ заведена была бѣлая мраморная доска, куда вносить имя и фамилію лучшаго ученика каждаго выпуска, начиная съ нашего. Умышленно или неумышленно, въ предписаніи сказано—лучшаго, а не перваго ученика. Составилась новая конференція, въ которой Шенинъ положительно высказался за меня изъ опасенія, чтобы въ корпусѣ не обнаружилось ропота, неудовольствія.

Директоръ долженъ былъ лично доложить великому князю объ этихъ назначеніяхъ; великій князь отвѣчалъ ему: „что же это такое? въ гвардію должны быть назначены двое лучшихъ, на мраморную доску одинъ самый лучшій, а назначены разныя лица“. Клингенбергъ не могъ такъ рельефно доложить великому князю, какъ говорилъ Шенинъ въ конференціяхъ, и запутался въ объясненіяхъ до того, что великій князь, ничего не понявъ изъ его разсказа, сказалъ ему: „тутъ какія нибудь шашни“. Старикъ Клингенбергъ расплакался,

великій князь пожалѣлъ его и порѣшилъ тѣмъ, чтобы въ томъ году на мраморную доску никого не назначать.

Въ тотъ же, или на другой день, великій князь, пріѣхавъ въ корпусъ, остановился передо-мною и протяжно сказалъ: „ты выходишь въ гренадерскій саперный баталіонъ“—и послѣ нѣкоторой паузы еще разъ протянулъ: „въ гренадерскій саперный баталіонъ“. Всѣ замѣтили, что великій князь еще хотѣлъ мнѣ что-то сказать, но, простоявъ передо мною нѣсколько секундъ, пошелъ далѣе.

Все, что касалось моего выпуска, мнѣ тогда же передавали корпусные офицеры и самъ баталіонный командиръ Главацкій, а когда я, черезъ 4 года по выпускѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, зашелъ въ корпусъ, то Шенинъ сказалъ мнѣ: „теперь, смотря другими глазами на недавно минувшее, вы вѣрно и сами признаете, что я не такъ виноватъ передъ вами, какъ казался при выпускѣ вашемъ“. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Шенина въ 1842 или 1843 году, сидѣвшаго у дачи Кондаурова, возлѣ дома умалишенныхъ, на петергофской дорогѣ.

Слишкомъ за годъ до выпуска и я былъ удостоенъ одинъ разъ назначеніемъ на обѣдъ къ великому князю. Наканунѣ, или за день передъ тѣмъ, Клингенбергъ, по обыкновенію, дѣлалъ репетицію, т. е. звалъ обѣдать къ себѣ, при чемъ училъ, какъ держать въ рукѣ ложку, ножъ, вилку, объяснялъ, при какихъ кушаньяхъ употребляется одна вилка, когда ножъ и вилка, какъ привстать на мѣстѣ, если великій князь обратится съ личнымъ вопросомъ, совѣтывалъ отказываться отъ тѣхъ блюдъ, которыя увидятъ въ первый разъ, и проч. При мнѣ за обѣдомъ у великаго князя было много гостей; кадеты сидѣли черезъ одного между гостями. Помню, что къ обѣду подавались щи и каша, подавались и устрицы, отъ которыхъ кадеты большею частію отказывались, но великій князь заставлялъ брать устрицы и училъ, какъ ихъ ѣдятъ. Послѣ обѣда кадеты забавляли фокусами; вечерній чай разливала собственноручно сама великая княгиня Елена Павловна; при отъѣздѣ изъ дворца, кадетскіе кивера наполнялись конфетами.

Весною 1833 года, въ разводѣ на Дворцовой площади, я былъ правофланговымъ унтеръ-офицеромъ, и самъ государь назначилъ меня въ тотъ день на игры къ цесаревичу. Въ тотъ же день назначенъ былъ къ наслѣднику отъ Главнаго Инженернаго Училища кондукторъ Вансовичъ, нынѣ завѣдывающій гальваническою частью, инженеръ генераль-лейтенантъ. Во дворцѣ Вансовичъ сошелся со мною и мы были постоянно вмѣстѣ. Меня восхищала солнечная система; я долго ее разсматривалъ, но не все понималъ; цесаревичъ, замѣтя это, самъ подробно объяснилъ мнѣ машину. Мнѣ было тогда около 17-ти лѣтъ, а его высочеству 15-ть лѣтъ, и я убѣдился, что его высочество по географіи далеко опередилъ меня, а когда разговоръ коснулся математики, то цесаревичъ самъ тогда сознался, что въ математикѣ онъ уступитъ мнѣ. Цесаревичъ показывалъ свои учебныя тетради и признавался, что его затрудняютъ переводы на англійскій языкъ и сочи-

ненія на англійскомъ языкѣ. Когда же начались игры, то я съ Вансовичемъ большею частію прятались за колонны; паркетъ былъ такъ скользкъ, что я съ трудомъ ходилъ по немъ, а бѣгать просто боялся.

Время отъ назначенія на выпускъ до приказа о производствѣ въ офицеры было самымъ отраднымъ въ корпусной жизни; но оно для моего выпуска тянулось очень долго. Тогда постановлено было, чтобы производство въ офицеры производилось по каждому корпусу отдѣльно, по особо установленной очереди между корпусами. Въ сентябрѣ 1833 года, говорили, что наше производство состоится къ 6-му декабря; къ этому дню была уже готова вся офицерская обмундировка, а между тѣмъ, не знаю—почему, приказъ затянулся до 30-го января 1834 года, и мы почти $\frac{1}{2}$ года жили въ корпусѣ, считаясь выпускными. По камерной службѣ и по фронтовой части, мы оставались при прежнихъ своихъ званіяхъ и обязанностяхъ, на смѣну же насъ всѣ чины были уже предназначены. Въ классы мы не ходили и во время ихъ насъ собирали въ рекреационное зало. Въ это время мы исключительно занимались русскою литературою; намъ дозволялось читать все, что было напечатано на русскомъ языкѣ; днемъ мы читали, а ночью, или рано утромъ, я и многіе другіе дѣлали выписки изъ книгъ; сочиненія Пушкина, Жуковского и многое изъ сочиненій Державина и фонъ-Визина учили наизусть; учили и переписывали многое изъ рукописныхъ сочиненій, но очень осторожно; за выпускными въ этомъ отношеніи слѣдили не менѣе, чѣмъ за всѣми кадетами.

Приказъ 30-го января 1834 года доставленъ былъ въ корпусъ на разсвѣтъ того дня. Въ 12-мъ часу мы уже въ офицерской формѣ собрались въ корпусную церковь для присяги.

Послѣ присяги были общія поздравленія и пожеланія, а священникъ Лавровъ сказалъ приличное слово и въ заключеніе предложилъ подписку въ пользу церкви. Большинство молодыхъ офицеровъ было озадачено этимъ поборомъ, многіе колебались; тогда священникъ пояснилъ, что можно подписаться хоть по 10-ти рублей; опять начались совѣщанія, наконецъ всѣ согласились подписаться по 10-ти рублей,—хотя 10 рублей были тогда большими деньгами, и за эти 10 рублей священника Лаврова долго поминали лихомъ.

Наконецъ, въ назначенный день всѣ молодые офицеры собрались въ корпусъ проститься съ начальниками и съ оставшимися кадетами и получить расчетъ. Расчетъ этотъ на прощанье и досадила, и насмѣшилъ насъ. Вышелъ какой-то чиновникъ изъ корпусной канцеляріи и послѣ небольшого предисловія, заключающагося въ томъ, что кто можетъ внести деньги теперь, теперь же и слѣдуетъ уплатить, а кто не можетъ уплатить теперь же лично, съ того деньги будутъ взысканы изъ жалованья, по сношенію съ новымъ его полковымъ начальствомъ. И началось чтеніе расчетовъ: мы всѣ знали, что съ выпускныхъ дѣлаются какіе-то вычеты, но никакъ не ожидали, чтобы предъявлены были такіе огромные счета, большею частію вымышлен-

ные и по меньшей мѣрѣ давно забыты кадетами. За все время пребыванія въ корпусѣ высчитывали число разбитыхъ тарелокъ, стакановъ, стеколъ, утраченныхъ книгъ и проч.; на каждого счеты доходили до 20-ти и болѣе рублей. Тутъ начались возгласы, въ родѣ слѣдующихъ: „какъ же смѣли меня пороть за разбитыя вещи, когда теперь требуются деньги за все разбитое!“ или: „почему же не поставили въ счетъ стоимость розогъ, которыми меня пороли?“

В. Кренке.

